

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Список ликвидатора

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Список ликвидатора / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Спокойствие мирного летнего дня буквально взорвано тремя странными, вроде бы абсолютно разными преступлениями. Откровенно, явно "заказная" гибель одного из руководителей ФСБ, - гибель, которой почему-то не хочется заниматься никому... Странное, подозрительное самоубийство сына первой жертвы, оказавшегося на первый взгляд не в то время и не в том месте... И наконец, убийство "вора в законе", по совместительству давно "сотрудничавшего" с МУРом... Александр Турецкий начинает расследование - и постепенно понимает: связь между преступлениями есть. Более того, нить, соединившая три убийства, вот-вот потянется дальше - к новой смерти...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Суббота, 29 июля	5
Воскресенье, 30 июля	49
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Фридрих Незнанский

Список ликвидатора

Суббота, 29 июля

Сидящий за рабочим столом генерал-лейтенант ФСБ Федор Петрович Мухин отодвинул от себя пухлую папку с бумагами, снял очки и откинулся в кресле, чуть заметно улыбнувшись своим мыслям. С минуты на минуту генерал намеревался отправиться на собственную дачу, находящуюся в одном из охраняемых поселков в районе Можайского шоссе. Его жена уехала туда вчера вечером, а он, как это всегда случалось в последнее время, должен был присоединиться к ней на следующее утро, проведя раннее субботнее совещание на Лубянке. Некоторое время назад оно закончилось, и генерал, просмотрев затем еще ряд донесений, наконец совершенно освободился.

Он встал из-за стола, прошел через длинный, отделанный ореховым деревом кабинет, открыл массивную дверь, миновал приемную, отпустив секретаря, вышел в коридор и спустился по лестнице во внутренний двор, где его ждал автомобиль.

Как только он ступил с порога на еще не прогретый солнцем асфальт, к нему бросился его водитель – высокий, светловолосый парень Володя.

– Машина сломалась, Федор Петрович! – сказал он и виновато развел руками.

Метрах в десяти от него стоял, сверкая эмалью, служебный генеральский «мерседес».

– Как – сломалась? – не понял Мухин.

– Топливный насос полетел!

Федор Петрович посмотрел в сторону стоявшего целое состояние четырехколесного бронированного красавца и недоверчиво произнес:

– Как же это... Там ведь все такое надежное...

– Наш бензин какую хошь машину угробит! – в сердцах выпалил Володя. – Заправляемся всякой дрянью – и вот результат!

Генерал подошел к «мерседесу», заглянул под открытый капот и чуть постоял, как бы оценивая серьезность поломки. Неопределенно хмыкнув, он поправил галстук, а затем шагнул к дверце и, оперевшись руками в ее верхнюю часть, взгляделся в собственное отражение, явившееся ему в толстом тонированном стекле.

На него смотрел седой шестидесятипятилетний мужчина с обветренным, морщинистым лицом и темными кругами под глазами.

«Мне обязательно надо отдохнуть», – подумал Федор Петрович.

В последние годы работа стала сильно его утомлять. Вначале он списывал это на нагрузку, добавившуюся после назначения его на должность начальника управления особых расследований второго департамента ФСБ, но потом понял, что дело не в ней. Ведь раньше он легко бы мог выдержать теперешний график... Виноват немолодой уже возраст. Когда генерал это понял, то немедленно установил себе за правило проводить выходные с женой на даче. Только там, на природе, он мог восстановить растрачиваемые на бесконечных совещаниях, встречах и коллегиях силы.

Дача стала его излюбленным местом, он мечтал о ней всю неделю и с нетерпением ждал субботы, чтобы бухнуться наконец на мягкое сиденье служебного лимузина и, забыв обо всем, рвануть в свой уютный двухэтажный коттедж, окруженный яблоневым садом.

Остановить его могли только неотложные дела на работе и еще... гроза. Он не мог находиться на даче в грозу. Из-за ревматизма. Насыщенный озоном воздух и сквозняки были его страшными врагами и делали пребывание за городом крайне неприятным.

Ничто другое не заставило бы Мухина отказаться от поездки в выходные на дачу.

– Ты сказал механикам? – оторвавшись от дверцы, спросил он водителя.

– Ну конечно!

– И что они?

– Заказали новый насос на складе, через час должны подвезти.

– Как – через час?! – сорвался генерал. – А раньше они не могут, что ли?!

– Сказали, что не могут... – кисло ответил Володя. – Только через час... – И, опережая следующий вопрос Мухина, добавил: – А потом еще часа два будут его менять!

Федор Петрович побагровел, но взял себя в руки и произнес:

– Ладно, тогда я возьму другую машину.

Наталья Павловна Мухина, жена генерала, сидела на открытой веранде и смотрела, как западная сторона неба медленно, но верно покрывается огромными грязно-серыми тучами.

«Неужели и до нас дойдут? – думала она, слюнявя палец и угадывая направление ветра. – Нет, дует отсюда... значит, должны проскочить мимо...»

Обнадежившись, генералыша прошла в дом, включила телевизор и легла на кушетку. На экране появился губернатор одной из областей, который нервно доказывал абсурдность какого-то очередного президентского указа. Она нажала кнопку на пульте, меняя канал. Глава администрации президента точно таким же тоном убеждал аудиторию в обратном. Мухина выключила телевизор, поднялась с кушетки и снова вышла на веранду. Ей показалось, что тучи подошли ближе.

«Только этого не хватало! – погрустнела она. – Федя так огорчится, если не сможет приехать...»

Наталья Павловна понимала, как тяжело приходится мужу, и старалась создать ему все условия для отдыха. Поэтому каждую пятницу, по ее просьбе, водитель генерала Володя привозил Наталью Павловну на дачу и она ставила на ночь тесто, чтобы утром испечь к приезду супруга обожаемые им пироги с ягодами, вареньем или щавелем. Сегодня с утра она снова поставила их в печь...

Далекий раскат грома заставил ее вздрогнуть.

«Нет, – подумала она. – Не надо бы ему сегодня приезжать... А то еще больше разболеется...»

...Двое молодых людей стояли возле кирпичного гаража с выкрашенными в цвета российского флага воротами и внимательно рассматривали мятый бумажный план местности. Его держал в руках один из них – громадный, широкоплечий бугай с короткой стрижкой.

– Мухин поедет вот отсюда, – сказал он и ткнул пальцем куда-то в угол замусоленного листа.

– Где мы должны его встретить? – спросил второй, такой же стриженный, но сухопарый парень с быстрыми, цепкими глазами.

– Здесь, – бугай указал место на плане. – Вот в этом лесочке... Он поедет через него, после того как свернет с Можайского шоссе, – так ему ближе до дачи. Место там безлюдное – свидетелей не будет...

– Когда мы выезжаем?

– Уже скоро, – сказал широкоплечий. Потом он как-то нервно кашлянул и вдруг, пристально посмотрев на сухопарого, спросил: – Ты готов?

– Да, – спокойно ответил тот.

– Отлично, – улыбнулся бугай. Огромными ладонями он сложил листок с планом, сунул его в задний карман брюк и добавил: – Убить его надо быстро. Так что стреляй точнее...

Федор Петрович сел в неисправный лимузин, снял трубку находящегося в салоне телефона и набрал номер жены.

– Аллю, – ответила Наталья Павловна.

– Это я.

– Ой, привет, Федя! – обрадованно сказала она, но Мухин тем не менее уловил в ее голосе странно сочетающуюся с приподнятым тоном грустную интонацию.

– Что случилось?

– Понимаешь... – замялась жена. – Ну в общем... в общем...

– Да что? – нахмурился Мухин. – Что такое?

– Тут, кажется, скоро начнется дождь, – наконец сказала она.

– Дождь?

– Ага. Даже ливень. С грозой.

Генерал посмотрел на небо. Оно было на редкость чистое и только вдали, как раз над тем районом, где находился их поселок, действительно собирались тучи.

Но Федору Петровичу очень хотелось на дачу, и поэтому он тут же убедил себя, что эти тучи пройдут стороной.

– Дождя не будет! – решительно сказал Мухин.

– Но как же... – растерялась Наталья Павловна. – Как же – не будет?

– Вот так, – отрезал генерал. – Не будет, и все!

В этот момент из трубки донесся длинный раскат грома.

– Ты слышал? – спросила жена.

– Слышал... – угрюмо ответил Федор Петрович.

– Тебе не надо сегодня ехать на дачу, – уже тверже сказала она.

Генерал насутился и задумчиво потер лоб.

– Нам пора! – Бугай посмотрел на часы и шагнул к гаражу. – Помоги, Тимоха! – махнул он сухопарому.

Вместе они открыли широкие бело-сине-красные ворота. Внутри стояла темно-синяя «ауди».

– Летает как торпеда, – сказал широкоплечий. – Форсированный движок.

– А оружие? – спросил Тимоха. – Где оружие, Жорик?

– В машине.

– Какое?

– Увидишь! – улыбнулся Жорик, затем подошел к «ауди», открыл дверцу, сел за руль и завел двигатель. – Залезай! – крикнул он.

– Ага! – сказал Тимоха, обошел автомобиль, и опустился на соседнее сиденье.

Через минуту «ауди» уже уносилась в направлении Можайского шоссе.

– Так что ты решил? – чуть искаженный трубкой голос жены прервал раздумья генерала.

– А? – рассеянно спросил он.

– Ты ведь не поедешь, да? – с надеждой спросила жена. – Ну пропусти ты разок эту дачу, побудем сегодня дома, попьем чаю, поболтаем...

Наталья Павловна убеждала мужа в разумности своего предложения, а он тем временем опять погрузился в свои мысли.

«Скоро осень, – думал он. – И тогда поездки вообще придется временно прекратить... Поэтому надо набираться сил сейчас...»

Он опять оглядел небо. На западной стороне, как и раньше, висели тучи.

«Ветер их унесет, – опять стал убеждать он себя. – Унесет...»

- Так что? – спросила жена.
- А? – откликнулся генерал.
- Я говорю, встретимся дома, да?..

Они жили в высотке на Котельнической. Их четырехкомнатная квартира казалась Мухину слишком большой для двух стареющих людей, и, к тому же, какой-то мрачной и неуютной. Приезжая туда, он всегда тут же ложился спать, чтобы утром так же быстро собраться и уйти на службу.

- Значит, дома? – требовала ответа Наталья Павловна.
 - Нет, – твердо сказал генерал. – Я еду на дачу!
- И, не давая жене возразить, он положил трубку.

«Ауди» заехала в небольшой лесок и остановилась на устеленной ромашками поляне.

- Когда Мухин чешет на дачу, то всегда проезжает здесь, – сказал Жорик.
- А вдруг сегодня он останется в Москве? – спросил Тимоха. – Вдруг у него работа?
- Нет, – ответил Жорик. – У него должно было быть всего одно совещание – с утра. А потом целый день свободный. И завтра. Значит, поедет. Он всегда так делает.
- А тучи? – спросил вдруг Тимоха.

Они оба выглянули в окна и задрали головы.

– Фиг его знает... – подумав, сказал Жорик. – Может, и передумает... Но все равно будем ждать!

Тимоха кивнул.

- Так что там насчет оружия? – спохватился вдруг он.
- Смотри! – Жорик слегка повернулся, запустил руку под сиденье и вытащил два завернутых в тряпку короткоствольных автомата.
- Новые? – удивился Тимоха.
- Да, – ответил Жорик. – Расчетные характеристики у них просто фантастические.
- А может, лучше было бы взять что-то проверенное? – спросил Тимоха.
- У них особые патроны, – пояснил Жорик. – Сверхмощные. Нам ведь придется стрелять по броне...

Послышался шум приближающейся машины. Федор Петрович оглянулся и увидел подъезжающую серую «Волгу».

- Во! – улыбнулся генералу сидящий за рулем Володя. – Тачка – зверь!

Некоторое время назад Мухин распорядился, чтобы ему предоставили какой-нибудь автомобиль взамен неисправного. Очевидно, ничего лучшего, чем эта «Волга», в данный момент в гараже не нашлось.

- Она, конечно, не бронированная, но движок хороший! – сказал Володя.

– Ладно, поехали... – пробормотал Федор Петрович и молча перебрался из «мерседеса» в поданное ему не слишком-то престижное транспортное средство. Плевать, какая машина, лишь бы быстрее на дачу!

– Секундочку! – спохватился вдруг Володя, после чего быстро выскочил наружу, добежал до покинутого генералом лимузина, нырнул в него и почти тут же вылез назад. – Чуть не забыл! – возвращаясь, сказал он Мухину и помахал болтающимся на кожаном шнурке амулетом, который только что был снят им с зеркала в мерсовском салоне.

Амулет представлял собой металлическую фигурку тайского воина с длинным и острым копьем. Володя привез его из турпоездки и упросил генерала разрешить повесить копыеносца в салоне служебного лимузина, уверяя, что «эта штука охраняет от беды».

– Секрет сплава, из которого отлит воин, держат в секрете колдуны древнего ордена, – на полном серьезе говорил Володя. – Этот сплав не гнется, не ломается и постоянно переливается загадочным блеском, который отпугивает злых духов!

И он тут же демонстрировал генералу, как именно переливается узкоглазый пехотинец.

Первое время Мухин терпеливо выслушивал весь этот бред, посмеиваясь, впрочем, в душе над своим суеверным водителем. Но постепенно амулет начал его раздражать.

Все началось с того, что Володя установил некую закономерность между постоянно меняющимся характером бликов на поверхности сплава и теми событиями, которые происходили лично с ним.

«Что-то он в красное отдает, Федор Петрович... – говорил, бывало, водитель. – Не иначе как теща-коммунистка в гости зайвится...» Или: «Вроде как голубизна начала проступать, – наверное, двоюродный брат позвонит, он у меня артист балета...»

Затем Володя принялся делать предсказания и относительно генерала. Например: «Хорошо сегодня блеснит... Как звезда! Видать, повысят вас в звании, Федор Петрович!»

Самое удивительное, что Мухин действительно получил вскоре новые, генерал-лейтенантские звезды. Однако, как ни странно, именно с этого времени он и невзлюбил амулет. Наверное, потому, что ему претила сама мысль ставить свои жизненные успехи в зависимость от того, насколько эффективно эта дурацкая побрякушка отражает свет.

Вот и сейчас, увидев ее в руках Володи, Федор Петрович недовольно скривился.

– Ну что ты встал? – сказал он водителю. – Садись скорей за баранку и вперед!

Однако Володя, за несколько секунд до этого неожиданно остановившийся на полпути к лимузину и вперившийся взглядом в амулет, продолжал оставаться неподвижным. Было такое впечатление, что он просто не слышит своего шефа.

– Ты что, оглох? – крикнул генерал.

– Федор Петрович... – потрясенно посмотрел на него Володя. – Он потемнел!

Вообще-то Мухин уже не раз намекал водителю, что эта тайландская безделушка, впаренная ему за доллар в одном из злачных кварталов Бангкока, должна будет со временем потемнеть в силу низкого качества изготовления. Но тот не верил.

– Я ж тебе говорил! – сказал Мухин.

Но Володя, не отреагировав на его слова, рассеянно посмотрел перед собой и прошептал:

– Случится несчастье...

– Хватит дурака валять! – заорал Федор Петрович. – Садись в машину!

Водитель хмуро шагнул в сторону «Волги», занял свое место, вздохнул и повесил копьеносца на зеркало заднего вида.

– Ну и на хрена он тут нужен? – еле сдерживая себя, спросил генерал.

Володя хотел что-то ответить, но Мухин резко сказал:

– Сними!

– Товарищ генерал-лейтенант, – взмолился водитель, – ну пусть он повисит, может, опять посветлеет...

Федор Петрович был добрым человеком. Поэтому он лишь махнул рукой и выдохнул:

– Ладно, черт с тобой... Пусть болтается. Только поехали быстрее!

– Один момент! – сказал Володя, завел машину и поехал в направлении КПП. Дежурный, увидев генерала, открыл ворота и уже неновая серая «Волга» выскользнула на улицу.

Наталья Павловна была расстроена.

«Вот ведь упрямый, – думала она. – Всегда поступит по-своему!»

Тем не менее ей ничего не оставалось делать, как только готовиться к приезду мужа.

Она встала со стула возле журнального столика с телефоном, прошла по комнате, смахнула кое-где пыль и подошла окну.

«Нет, дождь все-таки будет...» – грустно заключила Наталья Павловна.

Если упрямый генерал, приехав, все же решит ночевать на даче, ей придется найти для него шерстяной плед и растереть мужа особыми мазями, которые на всякий случай стояли в... в... Стоп, а где же они стояли?

Наталья Павловна наморщила лоб и попыталась вспомнить, куда именно убрала стеклянные баночки с лекарствами.

«В холодильнике их нет... – начала она загибать пальцы. – В шкафу тоже... В тумбочке я сегодня смотрела – там только меновазин, но он не поможет... Где же они? Может, наверху – в темной комнате?...»

И она поднялась по лестнице на второй этаж, прошла спальню и заглянула в большую кладовку, предназначенную для хранения самых разных вещей – от велосипеда до туалетной бумаги.

Наталья Павловна щелкнула выключателем и зажгла свет.

«Ну точно! – сразу увидела она то, что искала. – Вот они!»

И генеральша взяла с одной из укрепленных на стене полочек нужные ей снадобья.

«Надо сразу поставить их где-нибудь возле кровати», – сказала она себе, после чего выключила свет, вышла из кладовой и закрыла дверь.

Вдруг до нее донесся какой-то странный запах. Внизу явно что-то горело.

Пироги!

Наталья Павловна побледнела. Она ведь совсем забыла про них! Сначала мысли о дожде, потом разговор с мужем, теперь вот эти лекарства... А пироги-то в печке!

Сгрузив баночки на стоявшее рядом кресло, она побежала обратно через спальню, быстро, насколько только могла, спустилась по винтовой лестнице, проскочила через гостиную и попала в кухню.

Из печки валил черный дым.

Наталья Павловна схватила тряпку, потянула за края противень, вытащила его и увидела, что он покрыт страшными черными головешками, которые еще недавно были аппетитными пирогами.

Она отставила противень в сторону и обессиленно села рядом на табуретку.

«Что же это такое... – горестно думала она. – Как будто все против того, чтобы он сегодня приехал...»

Сначала генерал лениво рассматривал в окно улицу, потом ему это надоело. Он занавесил стекло шторкой, отгородившись от субботней московской суеты, и закрыл глаза.

«Скорей бы приехать...» – думал он.

Володя тоже был каким-то мрачным и сосредоточенно вел машину, время от времени поглядывая на качающегося воина.

– Ну что там с ним? – не открывая глаз, спросил генерал. – Не посветлел?

Он сказал это шутливым тоном, но Володя, очевидно, решил, что Мухин и правда обеспокоен изменением внешнего облика копыеносца.

– Наоборот! – огорченно сказал он. – Все больше темнеет! Вы не потрете его, а, Федор Петрович? Может, снова заблестит?

Генерал открыл глаза, уничтожающе посмотрел на водителя и процедил:

– Не отвлекайся от дороги!

После этого снова сомкнул веки и откинулся на сиденье.

– Что-то его долго нет... – сказал Тимоха.

– Да... – протянул Жорик. – Долго...

– Может, он все-таки решил не ехать?

– Не знаю...

Они помолчали. Тимоха, вытянув руки, начал отбивать пальцами замысловатую дробь на расположенной перед ним черной крышке бардачка, а Жорик задумчиво жевал стебель только что сорванной ромашки.

– Значит, так, – сказал вдруг он. – Ждем еще пятнадцать минут и, если его не будет, уезжаем.

– Да, – согласился Тимоха. – Он, скорее всего, передумал ехать из-за дождя. Тучи-то не уходят!

Они снова посмотрели на небо.

– Ага, – пробормотал Жорик. – Наверное, так оно и есть. Поэтому, – еще раз повторил он, – стоим пятнадцать минут, и все.

Когда «Волга» уже выезжала из города, Володя вдруг покосился на генерала, набрал воздуха, как будто решившись сказать что-то важное, и выпалил:

– Федор Петрович, а может, нам лучше было бы вернуться?

– Что? – не понял генерал. Он открыл глаза и посмотрел на водителя.

– Я говорю, может, не ехать сегодня на дачу?

– Почему? Почему не ехать? – с нарастающим раздражением в голосе спросил Мухин. Он, конечно, знал, что ответит Володя, но именно это знание и злило генерала.

– Воин потемнел, а это плохая примета... – начал водитель.

– Хватит! – резко сказал Федор Петрович. – Надоел ты мне со своим воином!

– Но я только хотел...

– Меня не интересует, что ты хотел! – крикнул Мухин. – Делай то, что я тебе говорю!

Володя примолк.

– Несешь какую-то ерунду! – не мог успокоиться Федор Петрович. – Как маленький, честное слово!

Он нервно отдернул шторку, посмотрел в окно и задернул ее снова.

– Глупость какая... – сказал он уже мягче и посмотрел на копыеносца. Тот действительно стал каким-то тусклым, но для генерала это послужило лишь подтверждением невысокой репутации продукции из Юго-Восточной Азии. – Не переживай... – посмотрел он на шофера. – Если возвращаться из-за каждой ерунды, то что же это будет?

Суеверный Володя угрюмо продолжал вести машину...

У Натальи Павловны закололо сердце. Она достала из кармана валидол, положила его под язык, но боль отчего-то не утихла, как обычно, через несколько минут, а – даже чуть усилилась.

«Только этого не хватало...» – подумала она.

Но странное дело, ей почему-то показалось, что сердце болит вовсе не потому, что она перенервничала из-за дождя и сгоревших пирогов. Была другая причина, но какая именно, Наталья Павловна никак не могла понять.

Она снова вышла на веранду, села на оттоманку и принялась ждать мужа.

– Ну что? – глянул на часы Жорик. – Пятнадцать минут прошли... Поедем, что ли?

– Поедем... – вздохнул Тимоха.

Жорик повернул ключ зажигания и под капотом «ауди» тихо заработал двигатель.

– Повезло ему... – криво ухмыльнулся Жорик и нажал на педаль. Машина покатила по поляне, приминая к земле ромашки.

В этот момент они увидели въехавшую на поляну и движущуюся им навстречу серую «Волгу».

– Это еще кто? – спросил Тимоха.

– Не знаю... – пожал огромными плечами Жорик. – Наверное, какой-нибудь дачник решил срезать...

«Волга» проехала мимо. Окна со стороны пассажира были занавешены шторками.

– Интересно, кто это? – Тимоха проводил машину взглядом. – Судя по всему, тоже какой-нибудь начальник...

– Похоже... – безразлично сказал Жорик. – Но не тот, который нам нужен... Мухин ездит на «мерсе» – он «шишка» побольше...

И, потеряв к «Волге» всякий интерес, Жорик и Тимоха уставились вперед.

Сердце вдруг перестало ныть, и Наталья Павловна, пощупав пульс, убедилась, что он в норме. Она удивилась такому резкому перепаду самочувствия и пошла ставить чай для мужа...

– Это чья ж машина? – удивленно спросил Володя, разглядывая проезжающую мимо темно-синюю «ауди». – Что-то я ее тут раньше не видал. Вы не знаете, чья это, Федор Петрович?

– Не знаю.

Мухину было совершенно безразлично, кому принадлежит только что увиденный им автомобиль. Он и не разглядел-то его толком, потому что прислонил голову к стеклу, ощущая щекой приятное прикосновение шелковой шторки.

– Не нравится мне все это... – сказал вдруг Володя.

Он был не только водителем, но и телохранителем генерала и поэтому проявлял повышенную осторожность.

– Что тебе не нравится? – спросил генерал.

– Ну вот чего она тут раскатывает? – указал на «ауди» Володя.

– Слушай, езжай-ка ты побыстрей! – раздраженно сказал Мухин. – И не будь таким мнительным!

Водитель уже хотел было посильнее надавить на газ, но вдруг его взгляд опять остановился на висащем между ним и генералом воине.

– Федор Петрович, – ошарашенно сказал Володя, – он вообще почернел!

И тут Мухин сорвался.

– Ну и что?! – заорал он. – Ну и что?! Ты не понимаешь, что это реакция окисления?! Не понимаешь?!

Суеверный Володя хлопал глазами и, похоже, действительно этого не понимал. Вернее, он, конечно, имел представление об окислении металлов, но отказывался признать, что именно эта неприятность и случилась с его амулетом.

– Но это же особый сплав... – попытался он возразить. – Против злых духов...

– Хватит! – гаркнул генерал. – Хватит пороть чушь! – И он решительно сорвал копыеносца с зеркала.

– Федор Петрович! – умоляюще начал водитель и даже остановил автомобиль.

Но генерал был непреклонен. Он открыл дверцу, размахнулся и швырнул амулет на землю. У него не получилось забросить его далеко, и поэтому, не удовлетворившись результатом, он выскочил из машины, подбежал к валяющемуся копыеносцу и еще дальше отшвырнул его ногой.

– Вот так! – со злостью сказал Мухин, после чего вернулся к автомобилю и плюхнулся на свое сиденье. – Вперед! – приказал он Володе.

– Это генерал! – воскликнул Жорик.

– Где? – не понял Тимоха.

– Там! – обернулся Жорик. – В «Волге»!

Только что он посмотрел в боковое зеркало и увидел выпрыгнувшего из машины и размахивающего руками мужчину. К своему изумлению, Жорик узнал в нем Мухина.

Дальше все происходило очень быстро.

«Ауди» резко дала задний ход и, проехав метров пятнадцать, едва не смяла зад так и не успевшей тронуться серой «Волге». Жорик и Тимоха, одновременно открыв двери, вылетели наружу и, стреляя на ходу, подскочили к машине генерала.

Володя успел выхватить из находящейся под пиджаком кобуры пистолет и даже пару раз пальнул в сторону приближавшихся парней, но уже через несколько секунд тяжелые разрывные пули, искорежив металл «волжанки», превратили его тело в сплошное кровавое месиво, и, уже мертвый, водитель вывалился из болтающейся на одном креплении изрешеченной двери.

Генерал же так и остался сидеть на своем сиденье. Его глаза были закрыты, и, если бы не багровые струйки, стекающие по лицу, казалось бы, что он просто спит.

Удовлетворенный Жорик прекратил стрельбу. Тимоха же захотел дать еще одну, контрольную очередь, вскинул автомат, нажал курок, но оружие вдруг дернулось и отказало.

– Елки-палки! – крикнул Тимоха. – Патрон перекосило!

Он потянул затвор и, схватив двумя пальцами злополучный патрон, бросил его в траву. Перевернувшись пару раз в воздухе, созданный для убийства предмет раздавил какого-то ползущего по своим делам жука.

– А автоматы-то не особо... – буркнул Жорик.

– Точно... – согласился Тимоха.

– Ты знаешь, если бы эти гады были в бронированной машине, то мы ее хрен пробили бы!

– Ага!

– Ладно, уходим! – махнул другу Жорик.

Убийцы быстро сели в машину. Они уже не смотрели в сторону «Волги» и не заметили, что генерал пошевелился на своем сиденье, чуть повернул голову и открыл глаза. Каким-то чудом он остался в живых. Мухин потрогал рукой голову, но вдруг понял, что покушавшиеся на него до сих пор находятся рядом и ему лучше не двигаться. Однако рука была уже поднята, и ее надо было как-то незаметно опустить...

– Поехали! – сказал Жорик, и «ауди» тронулась с места. Но стоило ей проехать метра три, как сидевшим в ней стало ясно, что у машины пробито колесо.

– Только этого не хватало! – в сердцах сказал Жорик и повернулся к Тимохе: – Надо ставить запаску!

Они вылезли наружу и подскочили к багажнику.

– Смотри! – воскликнул вдруг Тимоха и показал пальцем в сторону «Волги». – Он пошевелился!

Жорик скакнул к двери, схватил автомат, подбежал к генералу и в упор дал в него длинную очередь. Голова мертвого Мухина свесилась набок...

За считанные секунды убийцы заменили колесо. Вдруг Тимоха поднял что-то с земли и сказал:

– Вот эта фиговина и пробила нам баллон...

– Какая? – наклонился к нему Жорик.

– А вот... – и Тимоха показал ему металлическую фигурку тайландского воина с длинным копьём.

У старшего следователя Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры Российской Федерации, государственного советника юстиции третьего класса Александра Борисовича Турецкого отстегнулась от брюк задняя левая подтяжка. Снова пристегнуть ее к поясу не было никакой возможности, потому что Александр Борисович сидел в кабинете генерального прокурора России Николая Ильича Филиппова, прямо через стол от

него, а противная подтяжка задралась так высоко, что достать ее теперь можно было, только сняв пиджак и пошарив руками за спиной. Что, конечно, нарушило бы всю серьезность разговора, который в данный момент шел в кабинете.

Кроме них двоих участие в нем принимал Константин Дмитриевич Меркулов – заместитель генерального прокурора по следствию, непосредственный начальник и старый друг Турецкого. Полчаса назад Филиппов вызвал его и Александра к себе на беседу.

Впрочем, смысла этой беседы Турецкий пока не понимал. В течение всего этого времени генпрокурор зачем-то рассказывал им о президенте.

Лишь секунду назад его речь была прервана телефонным звонком.

– Да, – ответил генеральный. – А, это вы... Насчет раскрываемости? Вы не могли бы позвонить мне попозже, или лучше я сам позвоню... Просто у меня сейчас очень важное совещание... До свидания. – И он положил трубку.

«Чем же это «совещание» так важно? – внутренне усмехнувшись, подумал Турецкий. – Ведь ничего ценного он пока не сказал. Только и твердит, что президенту сейчас тяжело и надо ему помочь...»

Генпрокурор кашлянул, закурил сигарету и продолжил:

– В настоящее время наш президент ведет ни много ни мало три войны, – сказал он, цепко глядя на подчиненных.

Те сосредоточенно молчали.

– Да-да, именно три. – Филиппов встал из-за своего широкого стола и принялся прохаживаться вдоль него, попыхивая сигаретой. – Первая война – в Чечне.

Меркулов посмотрел на свои лежащие на столе руки и потер друг о друга большие пальцы. Кажется, ему все это начало надоедать.

– Вторая война, – продолжал генпрокурор, – идет с губернаторами. Формально это происходит в Совете Федерации, но фактически, – Николай Ильич понизил голос, – фактически мы имеем дело с заговором региональных руководителей против Кремля.

Меркулов забыл про свои пальцы и уставился на генпрокурора. Турецкий тоже заметно оживился.

– Да-да, вы не ослышались, – тем же тоном сказал Филиппов. – Существует такой заговор. И его цель как минимум одержать верх в схватке с президентом...

– А как максимум? – спросил Турецкий.

– А как максимум – убрать его с политической сцены. Любым способом. – И генпрокурор многозначительно посмотрел на Александра.

– Откуда у вас такие сведения? – заинтересовался Меркулов.

– Неважно, – довольно грубо произнес Филиппов. – Но за то, что они соответствуют действительности, я ручаюсь.

Александр и Константин Дмитриевич переглянулись. Несмотря на скверный, можно даже сказать – сволочный характер, генпрокурор все-таки не осмелился бы пойти на откровенную ложь в таком вопросе.

– В своем противостоянии с президентом губернаторы тесно сотрудничают с олигархами. – Николай Ильич снова уселся в свое кресло и постучал краешком сигареты по находящейся перед ним хрустальной пепельнице. – Поэтому третью войну президент ведет именно против них. – Он затаился, выпустил дым и начал загибать пальцы на правой руке: – Таким образом, Чечня – раз, губернаторы – два, олигархи – три. Три войны.

Генпрокурор сделал паузу и затушил сигарету. Прямо над ним, на стене, висел портрет президента – Владимира Васильевича Буланова.

«Что-то ты не упомянул о четвертой войне – против свободной прессы...» – ехидно подумал Турецкий. Прошло совсем немного времени с того дня, когда Филиппов выдал санкцию на арест владельца влиятельнейшего телеканала, который начал резко выступать против Була-

нова. Телемагната, впрочем, вскоре выпустили, и он в отместку обнародовал на своем канале информацию, что незадолго до подписания санкции генпрокурор, оказывается, получил от Управления делами президента роскошную квартиру в самом центре Москвы.

– Так зачем вы нас вызвали, Николай Ильич? – спросил вдруг Меркулов.

Николай Игнатьевич внимательно посмотрел на него, потом на Александра и, не отреагировав на вопрос, продолжил:

– Президент за то, чтобы решить все эти проблемы в рамках действующего законодательства. Однако существование заговора губернаторов ставит ситуацию в тупик.

– То есть? – не понял Турецкий.

– Вполне возможно, что Владимир Васильевич вынужден будет прибегнуть к силовым методам...

– Как это? – поднял вверх брови Меркулов.

– Не валяйте дурака, Константин Дмитриевич! – резко сказал Филиппов. – Все вы прекрасно понимаете!

Меркулов с недовольным лицом покачнулся на стуле. Было такое ощущение, что он сейчас встанет и уйдет.

– Так что вы от нас хотите? – вмешался Турецкий.

Но генпрокурор снова не ответил прямо.

– Идет схватка царя-батюшки с непокорными боярами, – сказал он. – Бояре защищают свои интересы, а царь – интересы миллионов россиян...

– Так, так... – глядя перед собой в одну точку, согласно кивнул Турецкий, как бы надеясь, что Филиппов наконец подойдет к сути.

И Николай Ильич действительно решил более не тянуть.

– Поэтому мы должны определиться, с кем мы, – просто заявил генпрокурор и посмотрел на подчиненных.

От неожиданности те не нашли, что ответить.

– Так что? – спросил Филиппов.

– Погодите... – выставил вперед ладонь Меркулов. – Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, – перебил его Николай Ильич, что мы можем воевать либо за президента, либо против него. Как вы, наверное, уже поняли – я за.

– И я за, – вдруг быстро сказал Турецкий.

Меркулов повернулся и ошарашенно посмотрел на друга.

– И Константин Дмитриевич – за, – добавил Александр, по лицу которого было совершенно непонятно, смеется он или говорит серьезно.

– Стоп, стоп... – вмешался Меркулов.

– Что такое? – спросил генпрокурор.

– Мне неясно, куда вы клоните, Николай Ильич. Что в данном случае означает это «за»?

Филиппов молча посмотрел на него и снова закурил.

– Ответьте, пожалуйста! – настаивал Меркулов.

– Вы свободны! Оба! – резко сказал генпрокурор. – Идите!

– Вы не ответили...

– Я сказал – вы свободны!

Меркулов и Турецкий поднялись с кресел и пошли к выходу.

– Постойте! – окликнул их Филиппов.

Подчиненные обернулись.

Генпрокурор поиграл желваками и сказал:

– Сегодня утром убили генерала Мухина из ФСБ. Этим делом придется заняться вам, Александр Борисович. Под контролем Константина Дмитриевича, разумеется...

Турецкий хотел что-то спросить, но настроение Филиппова было заметно испорчено, и он не пожелал продолжать беседу:

– Подробности узнаете позже... – Кончик носа генпрокурора слегка покраснел, как всегда бывало, когда он нервничал. – А сейчас идите!

Пожав плечами, Меркулов и Турецкий снова двинулись к выходу.

– И все-таки решите для себя – за кого вы! – крикнул им вдогонку Филиппов, до того как они успели закрыть за собой дверь.

– Ну и чего ты там вякал «я за, я за»? – набросился Меркулов на Турецкого, когда они вышли в коридор.

– Костя, а что я еще должен был ему сказать? – развел тот руками. – Что я против президента, что ли?

Меркулов хотел как-то возразить, но только махнул рукой:

– Ладно, проехали...

Однако было видно, что он недоволен.

– Ну все, надо идти... – Константин Дмитриевич повернулся и зашагал по коридору.

– Подожди... – пробормотал Турецкий и начал стаскивать с себя пиджак.

– Ты что делаешь? – удивился обернувшийся Меркулов.

– Да подтяжка у меня отцепилась...

– Что?..

– Подтяжка у меня отцепилась, говорю... – И Турецкий принялся шарить руками за спиной. – Задняя левая...

– Подтяжка?

– Ну да, да! – Александр все никак не мог поймать противную резинку. – А что ты смеешься-то?

Меркулов действительно широко улыбался, еле сдерживая себя, чтобы не расхохотаться в голос.

– Смеется он... – обиженно пробормотал Турецкий. – Я тут мучаюсь, а он смеется...

– Давай помогу, что ли... – сказал наконец Меркулов, подошел к Александру и пристегнул подтяжку к его штанам.

– Вот спасибо... – обрадовался Александр.

Меркулов посмотрел на него и примирительно произнес:

– Ладно... Ну его в баню... – Он шевельнул рукой в сторону кабинета Филиппова. – Наше дело работать... По закону!

Получилось несколько пафосно, но Александр не стал подкалывать друга, потому что тот сказал правду. Работы у них было много. А тут еще и новое дело Филиппов подбрасывает...

– Пошли! – Меркулов потянул Турецкого за рукав, и они зашагали вместе по длинному коридору Генеральной прокуратуры.

Трупы генерала и водителя обнаружил работник котельной того самого поселка, где находилась мухинская дача, Михаил Шпанько. Отдыхая после смены, он сидел у расположенного неподалеку озера с удочкой и вытаскивал очередного пескаря, как вдруг услышал доносящуюся из перелеска стрельбу. Будучи человеком не робкого десятка, Шпанько оставил своих пескарей и, пригибаясь, подкрался к месту убийства.

Он же и вызвал милицию.

Через некоторое время из близлежащего отделения в лесок примчался «уазик» с нарядом, из которого вылез худой лейтенант, увидел трупы и изуродованную «Волгу», сказал «етить твою...» и доложил по рации дежурному, что так, мол, и так – двое убитых. Вскоре Глав-

ное управление внутренних дел Московской области прислало бригаду в составе дежурного следователя Мособлпрокуратуры, оперуполномоченного угро, судмедэксперта, эксперта-криминалиста и кинолога с ищейкой. На другой машине приехали начальник РОВД, его зам по розыску и местный участковый. Выставив оцепление, дежурная оперативно-следственная бригада начала проводить осмотр места происшествия.

Сразу же было обнаружено множество гильз, один почему-то нестрелянный патрон и какая-то металлическая безделушка. Кроме того, на поляне хорошо сохранились следы еще одного автомобиля, на котором, судя по всему, и уехали преступники.

– Судя по ширине колеи, – заявил эксперт-криминалист, проводя замеры, – это была машина иностранного производства. Точнее пока сказать не могу.

Личности убитых удалось установить очень скоро. Расположение генеральской дачи тоже. Старший следователь прокуратуры Московской области, который из-за своей загруженности чуть опоздал, сказал, что, пока идет осмотр, он наведается в коттедж Мухина. И, взяв милицмейскую машину, уехал.

Дежурная оперативно-следственная бригада продолжала осмотр, стараясь успеть до уже вот-вот собирающегося пролиться дождя.

Сын генерала, подполковник ФСБ в отставке Сергей Федорович Мухин, ехал в это время в своей «тойоте» на деловую встречу. О том, что совсем недавно погиб его отец, Сергей ничего не знал.

Отставной подполковник был импозантным мужчиной сорока пяти лет, любящим дорогие костюмы, французские одеколоны и хорошие машины. Когда-то он закончил Четвертый факультет Высшей школы КГБ (который переименовали потом в Академию криптографии ФСБ), служил в центральном аппарате своей грозной организации, затем неожиданно ушел в отставку и работал начальником аналитического управления службы безопасности одного из крупнейших банков. Но вскоре уволился и оттуда, чтобы создать собственную фирму, в должности директора которой благополучно пребывал до сих пор.

Рядом с ним на правом сиденье лежала белая кожаная папка, в которой находились важные бумаги. Он должен был передать их одному сотрудничавшему с ним человеку. До встречи оставалось еще достаточно времени и Сергей не очень-то торопился.

Вдруг, когда он в очередной раз посмотрел в зеркало заднего вида, его внимание привлекла движущаяся за ним белая «копейка». Ему показалось, что он уже видел ее двумя кварталами раньше, когда она, как будто прячась за другими машинами, вот так же следовала по маршруту его «тойоты».

Сергей притормозил. «Копейка» тоже замедлила ход. Он свернул в ненужный ему переулок – и она увязалась за ним, нагло подрезав мешавший ей «Запорожец». Мухин снова выехал на оживленную улицу, и белая бестия выскочила туда следом за его «тойотой».

Это был «хвост».

Мухин нахмурился. Уйти от преследовавшей его машины было трудно: дороги загружены, и реализовать свое преимущество в скорости Сергею все равно не удалось бы. Что же делать?..

Герман Редников был человеком хилым и болезненным. Три месяца назад он увидел красотку Таню – студентку параллельного курса в его экономическом институте – и влюбился в нее с первого взгляда. Но Герман прекрасно видел, какая пропасть лежит между этой шикарной девицей, привыкшей к богатым и красивым ухажерам, и собой – вечно сморкающимся, бледным юношей в роговых очках и без гроша в кармане. Три месяца он ходил возле нее кругами, все не решаясь познакомиться.

И вот вчера, собрав всю свою решимость, он узнал номер телефона Тани у ее подруги и позвонил-таки ей. Таня долго не могла понять, с кем она разговаривает, и поэтому, когда Редников пригласил ее в кафе, она пришла больше из любопытства – выяснить, что же это за бекающий и мекающий персонаж ей звонил вчера.

Увидев Германа, она широко раскрыла свои синие глаза и хотела уже развернуться и уйти, но Герман выглядел так жалостливо, что она согласилась составить ему компанию за столиком в одной из открытых арбатских пиццерий.

Герман щедро истратил всю скопленную за три месяца наличность, купив даме большую «Лазанью» с грибами, мороженое и две чашки кофе.

И в конце концов признался ей в любви.

– Я никогда не буду встречаться с тобой, Редников, – ничуть не удивившись такому повороту событий, сказала Таня, дожевывая пиццу.

– Но почему? – краснея и бледнея, спросил Герман. – Потому что я бедный?

– Нет. Совсем не поэтому.

– А почему же?..

– Потому что ты не личность! – рубанула она.

– Как это – я не личность? – растерялся Редников.

– Да вот так! – нагло сказала Таня. – Нерешительный ты какой-то. Неспособный на поступок.

– На какой еще поступок?.. – вконец стушевался Редников.

– На смелый... – мечтательно сказала Таня.

– А что значит »на смелый«?

Девушка посмотрела на него и совершенно серьезно сказала:

– Залезь на наш столик и спляши.

– Зачем это?

– А просто так. Чтобы меня удивить.

Редников покосился по сторонам. В пиццерии было довольно много посетителей, а у выхода сидел здоровенный охранник.

– Он же меня за это в дугу согнет, – кивнул в его сторону Герман.

– Ну вот! – победно сказала Таня. – Что и требовалось доказать.

И она поднялась со стула, намереваясь уйти.

– Ну подожди! – взмолился Редников.

– Что еще?

– Но ведь я... – пробормотал Герман, – я же люблю тебя...

Таня усмехнулась и надменно произнесла:

– Мою любовь надо завоевать!

Редников хотел еще что-то сказать, но она резко развернулась и пошла на улицу.

Герман осел на стул и безжизненно опустил руки. Однако через несколько мгновений в его глазах все-таки зажегся какой-то огонек. Редников вскочил и побежал вслед за девушкой:

– Таня, подожди! Таня!

Несмотря на трудновыполнимость затеи, Сергей Мухин все же предпринял ряд попыток оторваться от ехавшей за ним «копейки». Он вдруг сворачивал с дороги в самых неожиданных местах, резко менял направление движения, пересекая две сплошные полосы, пытался затеряться среди других машин, смело ныряя в какой-нибудь затор, но ничего не получалось. Белый «жигуль» неотрывно держался у него на хвосте. Судя по всему, за рулем «копейки» тоже сидел ас.

Тогда Сергей решил оставить машину и проделать дальнейший путь пешком. Встреча, на которую он ехал, должна была состояться в Филевском парке, а он сейчас находился в районе

«Третьяковской». В принципе не особо долго ехать, если пересесть на общественный транспорт, тем более что так будет значительно легче уйти от преследования.

Сергей присмотрел участок тротуара, где толпа была пооживленней, и решительно воткнул свою «тойоту» между двумя припаркованными к бордюру машинами. Схватив папку, он выскочил наружу, хлопнул дверью и пискнул кнопкой брелка, закрывающего автомобиль.

Как раз в это время навстречу шла толпа иностранных туристов во главе с экскурсоводом. Их было человек пятьдесят, и Мухин вклинился в самую гущу этой иноязыкой массы, вызывая изумленные возгласы увешанных фотоаппаратами, улыбчивых гостей России.

Прорвавшись через иностранцев, он на ходу снял с себя легкую летнюю куртку, вытащил из кармана черные очки и быстро надел их.

Несколько поменяв таким образом внешность, он снова смешался с толпой на этот раз других приезжих – делегатов какого-то то ли конгресса, то ли съезда – серьезных мужчин с пластиковыми визитками на рубашках. И сразу же после этого влез в переполненный троллейбус.

Двери закрылись, и Сергей Мухин, прижимая к себе папку, поехал в сторону «Арбатской».

С Германом что-то случилось. Всю жизнь ему не везло, начиная с роддома, где пьяная нянечка случайно положила его на сквозняке, оставив на всю жизнь с большими легкими, и заканчивая сегодняшним днем, когда девушка, в которую он по-настоящему, без памяти влюбился, издевательски указала ему его место.

Сильнее чем когда-либо раньше Редников чувствовал сейчас свою ущербность.

Но впервые за все время он не захотел смириться со своим жребием. Поэтому Герман побежал за Таней, еще сам толком не зная, что будет ей говорить, но совершенно ясно решив для себя – он добьется ее любви. Добьется!

– Таня! – догнал он ее наконец. – Постой!

Девушка остановилась и с выражением глубочайшей скуки на лице повернулась к Редникову:

– Ну что тебе?

На секунду он опешил, но тут же взял себя в руки и сказал:

– Ты должна дать мне шанс!

– Какой шанс? – не поняла Таня.

– Шанс проявить себя!

– Редников, иди ты на фиг! – очень отчетливо произнесла девушка и двинулась в прежнем направлении.

Герман застыл на месте, но через несколько секунд уже снова бежал за ней:

– Таня! Таня!

Старший следователь прокуратуры Московской области Валентин Михайлович Попков остановился у дачи генерала Мухина, вышел из машины и увидел стоящую возле калитки седую, усталую женщину. Прежде чем он открыл рот, она спросила:

– Что случилось?

За свои десять лет работы в прокуратуре Валентину не раз приходилось сообщать родственникам погибших страшные новости. Он знал, что после этого у людей обычно начинается истерика и поэтому добиться от них каких-то вразумительных показаний первое время не представляется возможным.

– Меня зовут Валентин Михайлович, – начал он.

– Так что случилось? Вы ведь из милиции?

Он приехал на милицейской машине с синей полосой по борту.

– Из прокуратуры, – поправил Попков.

– Неважно, – сказала женщина. – Что произошло? – снова задала она вопрос, на который он так не любил отвечать в подобных случаях.

– Вы жена Федора Петровича Мухина?

– Да.

В этот момент с неба обрушился дождь.

– Пройдемте в дом! – сказала она и засеменила впереди, ежась под густыми струями ливня.

Как только они зашли на веранду, Наталья Павловна сцепила ладони и напряженно посмотрела на Валентина:

– Я вас слушаю!

Тянуть дальше было невозможно.

– Ваш муж погиб, – сказал Попков.

– А? – словно не поняв сказанного, переспросила она.

– Федор Петрович Мухин застрелен около часа назад неизвестными людьми. Вместе со своим шофером.

Наталья Павловна опустилась на оттоманку и закрыла лицо руками. Попков стал искать взглядом графин с водой или, на худой конец, водопроводный кран.

– Но за что?.. – подняла она красные, потрясенные глаза.

На столе, который стоял в углу, Валентин заметил бутылку минералки. Он быстро шагнул в ее сторону, налил полный стакан и принес его Наталье Павловне.

– Спа-а-а... – Слово благодарности перешло у нее в крик, в настоящий вой существа, доведенного до последней степени отчаяния. Стакан упал на пол и разбился.

Выйдя из троллейбуса недалеко от Арбата, Мухин решил продвигаться в сторону метро. «Хвост» конечно же отстал – Сергей был в этом абсолютно уверен. Он снял очки, надел куртку и, приободрившись, зашагал вдоль красочных магазинных витрин.

Вдруг метров через сорок, когда он мельком глянул на уличные часы, чтобы сверить их со своими, его боковое зрение выловило из окружающей толпы мужское лицо со сплюснутым, очевидно перебитым, носом. В первый момент Сергей даже подумал, что ему померещилось. Ведь именно этот человек некоторое время назад сидел за рулем преследовавшей его «копейки»!

Мухин был в шоке. Нет, профессионализм, конечно, не подвел Сергея и он заметил слежку, но ведь и тот, кто шел сейчас за ним, сумел просто намертво приклеиться к нему и удержался на «хвосте» после всех финтов бывшего фээсбэшника.

Сергей понял, что оторваться ему уже не удастся. Поэтому на встречу он не поедет. К тому же ему нужно решить, как быть с папкой. Лучше всего встретиться с отцом и с его помощью переправить ее в безопасное место.

Он достал мобильник и сначала набрал номер телефона, установленного в служебном «мерседесе» отца.

Отец не взял трубку.

Тогда Сергей решил, что Мухин-старший уже на даче, и принялся звонить туда...

От резкого телефонного звонка Попков вздрогнул.

– Прошу вас, возьмите трубку, – мягко сказал он Наталье Павловне.

Мухина, у которой уже прошли первые слезы, сняла трубку:

– Алло...

– Это я, мама, – сказал на другом конце Сергей. – Отец далеко?

Услышав последнюю фразу, Наталья Павловна схватилась рукой за лоб и снова заплакала:

– Это Сергей... – только и сумела она произнести. – Сын...

Попков перехватил трубку:

– Здравствуйте...

– Вы кто? – послышался с другого конца настороженный голос. – Где мама?

– Я старший следователь Московской областной прокуратуры Попков... – начал Валентин.

– Что с отцом? – тут же спросил Сергей.

Попков даже не ожидал, что сын задаст этот вопрос так быстро. Тем не менее отвечать было надо.

– Случилось несчастье...

– Он жив? – По голосу было понятно, как напрягся где-то вдали Сергей.

– К сожалению, нет...

В трубке повисла тишина.

– Алло, Сергей, вы меня слышите? – спросил Валентин.

– Да, – хрипло ответил тот.

– Вы можете сюда приехать?

С заметным усилием Сергей выдавил из себя:

– Могу...

– Через какое время вас ждать?

Пауза.

– Где-то минут через сорок... – донеслось издали.

В трубке послышались гудки, и Попков положил ее на рычаги.

«Может быть, что-то выясню у этого Сергея», – подумал он и принялся успокаивать плачущую Наталью Павловну.

Таня шла в сторону метро. Она уже перестала реагировать на просьбы Редникова остановиться, и поэтому он шагал за ней молча, раскрыв рот, чтобы лучше дышалось, потому что выдержать ее темп Герману было нелегко. Пару раз Таня поворачивала голову и раздраженно говорила:

– Хватит меня преследовать!

Редников ничего не отвечал.

– Отстань, я говорю!

Но он все преследовал ее, шумно вдыхая жаркий воздух и, стараясь не отстать от длинноногой красавицы, которая шла прямо посреди тротуара. Двигавшиеся навстречу мужики восторженно пропускали Татьяну и, едва она проходила мимо, тут же оборачивались, чтобы оценить ее вид сзади. При этом на них неизменно наталкивался Редников, который не успевал обогнуть очередного застывшего на месте ценителя женской красоты, и тыкался своим острым носом в его плечо или спину.

– Извините... – бормотал он и двигался дальше.

– Смотреть надо, придурок! – кричал вслед мужик.

– Сам такой... – тихо шипел под нос Герман и, набирая воздух, ускорял шаг, чтобы через секунду опять врезаться в чью-то спину.

Так они дошли до метро.

Таня наконец остановилась, дождалась его и сказала:

– Я не понимаю, чего тебе от меня надо.

– Апффф... Апффф... Апффф... – вместо ответа выдали легкие задыхающегося Редникова.

– О боже! – закатила глаза девушка и, тяжело толкнув стеклянную дверь, зашла в метро. Герман последовал за ней.

Потрясенный, Сергей выключил мобильник, сунул в карман и прислонился к каменной стене здания, возле которого стоял.

Мухин посмотрел на папку. У него не было никакого сомнения, что отца убили из-за того, что он знал о содержании вложенных в нее бумаг.

– Какой же я был дурак... – простонал Сергей.

Ведь именно он втянул отца в это дело. Он просил генерала помочь ему в сборе тех данных, которые скрывала сейчас гладкая белая обложка.

«Но ведь следующим они убьют меня!» – Страшная мысль придала ему сил, он оторвался от стены и быстро пошел к метро.

Между тем человек с перебитым носом вышел из дверей находившегося неподалеку магазина и продолжил слежку.

Мухин знал, что тот идет сейчас позади него.

«Может быть, отдать им папку и они успокоятся?» – подумал он.

Нет, это невозможно. Тогда его уберут те, с кем он должен был сегодня встретиться.

Сергей почувствовал, что загнан в угол.

Освободившись на работе, Турецкий приехал домой, поел и развалился на диване. Жена с дочерью находятся на курорте и заявятся только через две недели, так что все это время ему придется терпеть неприбранность и общий неуют в квартире.

Впрочем, не так уж и часто он тут бывает. Сегодня, например, опять пришлось оставаться на ночь в Генпрокуратуре, разбирая дела. Потом этот странный вызов к генеральному, и снова работа, работа, работа...

Турецкий сладко зевнул. Сон медленно вступал в свои права...

И тут раздался телефонный звонок.

Александр протянул руку к стоявшему на прикроватной тумбочке аппарату и, чуть не свалив его, схватил трубку:

– Да...

– Здорово, Саш! – раздался бодрый голос его старого друга – начальника МУРа Вячеслава Грязнова.

– Здорово...

– Ты там спишь, что ли?

– Представь себе, да, – снова зевнул Турецкий. – Работы столько, что еле выкраиваю время на отдых...

– Ну извини, что разбудил...

– Да ладно уж...

– Значит, работы, говоришь, много?

– Ну да! – потянулся Александр. – Ты что, не знаешь, что ли?

– Да знаю, знаю... Все-то ты в трудах... – И тут, как бы между прочим, Грязнов добавил: – Кстати, о том деле, которое тебе сегодня обещал подкинуть Филиппов, мне тоже известно...

Турецкий удивился:

– Ну ты даешь... Да мне самому о нем еще почти ничего неизвестно!

По дороге к метро Сергей Мухин лихорадочно размышлял, как ему выйти из смертельно опасного для него положения.

«Стоп, – подумал он. – А может быть, отца убили, надеясь найти при нем папку? И за мной теперь охотятся по той же причине? И если сейчас я избавлюсь от нее, то меня не тронут? Вдруг им нужны только эти документы?»

Он и сам понимал, что его предположение не стоит выеденного яйца, но оно было единственным, которое оставляло Сергею шансы на жизнь.

«Но куда ее деть?..» – продолжал он сосредоточенно морщить лоб.

Уничтожить документы нельзя, потому что заказчики все равно потребуют их у него, и если он им их не предоставит, то тогда...

И вдруг Сергей понял, кто может сохранить эту папку.

«Только бы успеть до него доехать...» – сказал он себе и решительно зашел в вестибюль станции метро «Арбатская».

– Пока ты спал, Меркулова снова вызвал генпрокурор и рассказал о деле... – Голос Грязнова в трубке из дружеского стал деловым. – Я звонил Косте, и он ввел меня в курс...

– Излагай... – откликнулся Турецкий.

– Сегодня убит генерал-лейтенант ФСБ Мухин...

– Это я знаю...

– Он был начальником отдела особых расследований ФСБ.

– Так-так...

– Его машину расстреляли за городом, в районе Киевского шоссе... – сказал Грязнов.

Турецкий опешил:

– За городом? В районе Киевского шоссе? А при чем тут я? Почему бы этим делом не заняться областной прокуратуре?

Грязнов понизил голос и сказал:

– Есть некоторые обстоятельства, заставляющие меня предположить, что за этим убийством последуют и другие... Причем на территории Москвы.

– Что еще за обстоятельства?

– Ну так... есть кое-что...

– Слушай, Славка, – сказал Турецкий. – Ну что ты меня напрягаешь раньше времени? Мне это дело официально еще не поручено! Могу я отдохнуть или нет? Я устал. Я только сегодня направил в Верховный суд дело, над которым мне пришлось париться девять месяцев!

Реакция Грязнова была своеобразной:

– Так, значит, у тебя будет достаточно времени для новой работы! – обрадовался он.

– Тьфу ты! – в сердцах сказал Турецкий и бросил трубку.

Ступив на эскалатор, Редников облокотился на движущуюся сбоку черную ленту, отдышался и стал спускаться по ступенькам к стоящей метра на три впереди него Татьяна.

– Может, хватит? – утомленно сказала она.

– Не прогоняй меня... – тихо сказал Герман. – Я только провожу тебя до поезда, и все...

К этому времени его пыл начал остывать. Он понял всю бесполезность своих действий и хотел сейчас только одного – побыть с ней еще немного.

– Значит, ты не поедешь за мной? – подозрительно спросила Таня.

– Нет.

– Ну ладно... – милостиво согласилась девушка. – Тогда так и быть – провожай.

Они сошли с эскалатора и попали в не особенно заполненный людьми зал станции. Тем не менее на платформе, куда они свернули, народа скопилось много, и им стало ясно, что поезда не было уже давно.

– Елки-палки, – расстроилась Таня. – Придется пропустить следующий. Не влезу...

У Редникова поднялось настроение. Еще немного он побудет с ней...

– Ну что ты лыбишься? – спросила девушка.

– Так...

– Нет, я все-таки влезу в первый же поезд! – сказала она. – Только б от тебя отвязаться!

Сергей Мухин пробежал вниз по эскалатору, сунулся было к поезду, но, увидев огромную толпу на платформе, остановился.

Нет, уехать незамеченным у него не получится. Тот, кто сидит на «хвосте» все равно выследит его. А если их еще и несколько...

Однако, оценив профессиональным взглядом обстановку, Мухин понял, что на несколько секунд остался без присмотра: «хвост» еще не появился на платформе.

За эти несколько секунд надо было решить, как быть с папкой. Уехать отсюда он должен был уже без нее.

Совсем рядом с ним, окруженная толпой, стояла странная парочка – тщедушный, бледный парень в роговых очках и красивая, стройная девушка. Они переговаривались между собой.

Сам не зная почему, Сергей вдруг выделил этого парня из всех стоящих вокруг людей. Какое-то чутье подсказало Мухину, что этому хилому можно доверять.

«Может, я и ошибаюсь, – подумал он. – Но ничего другого в этой ситуации сделать уже невозможно».

Он подскочил к молодым людям и, обращаясь к парню, быстро проговорил:

– Простите, что потревожил вас, но у меня нет другого выхода. Прошу вас, – он протянул парню папку, – передайте ее по этому адресу...

И, выхватив из кармана рубашки ручку, он что-то чиркнул на белой обложке.

Редников не успел даже открыть рот, как Мухин уже отошел от него и быстро зашагал к противоположной платформе.

– Это кто? – спросила обалдевшая Татьяна.

– Не знаю... – растерянно сказал держащий в руках папку Герман.

Они посмотрели вслед удаляющемуся незнакомцу.

– Эй! – крикнула было Татьяна, но тот уже не мог услышать, потому что на ту платформу, где он сейчас стоял, ворвался ревущий поезд.

– Ну и дела! – выдохнула девушка. – Что все это значит-то?

– Н-да... – протянул Редников. – Надо его догнать...

Он сделал шаг в направлении мужчины, но вдруг случилось страшное.

Незнакомец пробрался к краю платформы, собираясь, видимо, сразу же юркнуть в вагон, так как желающих вокруг было много и не все бы туда вместились. Но за секунду до того, когда уже начавший тормозить, но все еще несущийся на большой скорости состав должен был с ним поравняться, мужчина вдруг как-то неловко взмахнул руками, качнулся вперед и, не удержавшись на краю, попал под прямой удар кабины машиниста.

Несмотря на то что там, вдали, было много людей, Редников и Татьяна стали свидетелями этой страшной смерти.

– Мама... – еле слышно прошептала девушка, после чего вдруг ее как будто прорвало и, словно сирена, она завизжала с небольшими перерывами, чтобы взять дыхание: – А-а-а-а!!! А-а-а-а!!! А-а-а-а!!!

Герман тоже был потрясен, но взял себя в руки значительно быстрее.

– Успокойся, Таня! – схватил он девушку за руку. – Успокойся!

Но она не слышала его. В ее глазах застыл ужас. Ничего подобного она никогда не видела. Может быть, только в кино, но это не считается. В кино кровавые ошметки не вылетают на платформу и не лежат на расстоянии двадцати метров от тебя и ты не видишь, как шарахающиеся от них люди скользят на этой слизи и с криками падают прямо в ее гущу.

- Не смотри туда! – гаркнул Редников и вдруг с силой повернул голову Тани к себе.
- Он... он... его... – начала она бессвязно лепетать.
- Успокойся! – еще раз сказал Герман.

В этот момент наконец-то раздалась мелодия, возвещающая о прибытии долгожданного поезда. Очень скоро перед ними уже стоял вагон.

Редников сам не знал, откуда у него взялись силы. Приобняв Таню, он, как гвоздь, прошел сквозь кучу народа, образовавшуюся у раскрывшегося входа, и по инерции пролез аж к противоположным дверям, прижал к ним девушку и сам остановился на фантастически близком от нее расстоянии.

Таню трясло.

Он взял ее за плечи, посмотрел в глаза и тихо произнес:

- Не бойся, все уже кончилось.

Она как-то странно взглянула на него, хотела что-то сказать, но промолчала. Редников подумал, что еще вот-вот – и она скинет его руки и снова станет неприступной и насмешливой.

Но Таня этого не сделала.

- А папка? – спросила она. – Он же дал тебе папку!

Все это время Герман не выпускал ее из рук, но вспомнил об этом только сейчас.

- Да, – растерянно сказал он. – Вот она.

- А что там? – испуганно спросила девушка.

Редников раскрыл обложку. В папку была вложена пачка каких-то бумаг. Первая из них представляла собой документ на немецком языке с многочисленными подписями. Редников хотел взглянуть на остальные, но Таня вдруг с силой захлопнула папку и зашептала:

- Давай посмотрим где-нибудь в другом месте...

Турецкий проснулся и посмотрел на часы.

«Вот ведь! – подумал он. – Два часа всего спал, а больше и не хочется. А к вечеру опять буду с ног валиться. Совсем организм расстроился...»

Он слез с кровати, прошел на кухню, открыл холодильник, достал пакет апельсинового сока, потряс его и понял, что там пусто.

Тогда Александр взял стоявший на столе заварочный чайник и отхлебнул из горлышка.

«Скорей бы уж Ирка с Нинкой приезжали... – подумал он о жене и дочери. – Живу, как бобыль...»

Итак, он достиг зрелого возраста. Почти половина жизни отдана следственной работе в прокуратуре. За спиной – сотни расследованных уголовных дел, на плечах – генеральские погоны...

В душе – усталость.

Турецкий подошел к окну. Его дом находился на Фрунзенской набережной, и прямо из кухни он мог наблюдать, как по Москве-реке снуют туда-обратно прогулочные теплоходы.

- «Так что там говорил Славка? – вспомнил он. – Убили генерала Мухина?»

С Грязновым они были друзьями уже около двадцати лет, с тех пор как под руководством Кости Меркулова, того самого, который сейчас является заместителем генпрокурора по следствию, распутали свое первое сложное дело. То есть дело, фигурантами которого были влиятельные власть имущие, неприступные, казалось бы, люди.

Сколько таких людей удалось ему с тех пор прижать к ногтю!..

«Как-то не так я с Вячеславом поговорил...» – почесал затылок Александр, отвернулся от окна и снова прошел в комнату.

На столе лежала недавняя газета. Он взял ее, сел в кресло и наугад уткнулся в заметку на первой странице, где в ернических выражениях рассказывалось, что недавно чудом остался

жив один губернатор, который отказался есть поданного ему гуся с яблоками, по причине того что тот слегка подгорел. А, как потом оказалось, гусь был напичкан смертельным ядом.

«Мы уверены, что если бы этого гуся отдали какому-нибудь изголодавшемуся пенсионеру из области, которой управляет привередливый губернатор, – издевалась газета, – и даже предупредили бы пенсионера, что гусь отравлен, то он все равно съел бы его, потому что лучше умереть от удовольствия, чем жить мучаясь».

Рядом красовалась карикатура: толстый губернатор швыряет изможденным людям кости со своего стола, предварительно обмакивая их в яд.

Турецкий не испытывал никаких симпатий к данному губернатору, но юмор был хреновым. Дело в том, что за последние полгода на главу далекого региона, богатого своими ископаемыми, покушались уже четыре раза. А началось это после того, как губернатор выступил против известных инициатив президента о переделе власти на местах, и наотрез отказался принять у себя руководителя Президентской администрации Валуева.

Турецкий встал с кресла и пошел в ванную, чтобы принять душ...

Начальник Московского уголовного розыска Вячеслав Иванович Грязнов прохаживался по своему кабинету и вспоминал состоявшуюся на прошлой неделе встречу с лучшим агентом – платным осведомителем МУРа – вором в законе Бароном.

Осведомитель рассказывал о борьбе различных преступных группировок между собой и в конце слегка коснулся темы их сотрудничества с государственными структурами.

«Братва завязана с самыми высокими людьми...» – сказал тогда Барон.

Это, конечно, не было новостью для Грязнова. Там, на самом верху, не брезгают ничем для достижения своих целей. Если нужно, эти люди будут сотрудничать с самим дьяволом, если, конечно, он вытерпит общество таких мерзавцев.

Поэтому Грязнов не обратил особого внимания на эти слова Барона. В память ему врезалось лишь одно: некоторые люди стали неплохо платить за достоверный компромат на кремлевских небожителей. Поэтому он, Барон, своего шанса не упустит. На информации о связях своей тамбовской группировки с высшими руководителями можно очень хорошо «навариться».

«Если не опередят другие», – добавил Барон и рассказал, что сбором такого рода компромата занялся не кто иной, как начальник Управления особых расследований второго департамента ФСБ генерал-лейтенант Мухин.

«Мухин?» – переспросил тогда Грязнов.

«Да. Он поставляет эти данные своему сыну Сергею. И я тоже кое-что добываю для мухинского отпрыска. Он мне за это платит. Но генерал в последнее время собрал уже столько материала, что я скоро не смогу порадовать Сергея ничем новым...»

С тех пор прошла неделя, и вот сегодня, когда Грязнову сообщили об убийстве Мухина, этот разговор всплыл в его памяти.

Вячеслав сразу почувствовал, что одним этим убийством дело не кончится. Нет, Грязнов, конечно, не горел желанием взваливать на плечи своей конторы лишнюю работу по раскрытию преступлений, но он понимал, что если сейчас начнется «трупопад», то МУРу все равно придется этим заняться. Поэтому лучше заранее подстраховаться и прозондировать, не удастся ли привлечь к работе славного «важняка» Генпрокуратуры, своего старого друга Турецкого.

Неожиданно ему улыбнулась удача: позвонив Меркулову, Вячеслав узнал, что дело об убийстве Мухина будет поручено Турецкому.

Вот тогда-то он и набрал номер Александра, но не нашел понимания и, вместо обнадеживающих слов, вынужден был довольствоваться короткими гудками в динамике, после того как «важняк» бросил трубку.

А совсем скоро он узнал, что погиб Сергей Мухин.

Таким образом, интуиция и на этот раз не подвела Грязнова.

Стоящий на столе селектор затрещал, и из него раздался голос секретарши:

– Вячеслав Иванович, к вам старший оперуполномоченный второго отдела Мухин.

Услышав названную секретаршей фамилию, Грязнов вздрогнул. Бывают же такие совпадения! Он подошел к столу, нажал кнопку микрофона и сказал:

– Пусть войдет.

Пока поезд ехал до «Крылатского», Редников стоял все так же близко к Татьяне, как в первые минуты. Испуг у нее еще не прошел, и, судя по всему, девушке требовалось, чтобы рядом был хоть кто-то, способный поддержать ее и успокоить.

Таким человеком и оказался Герман.

«Станция «Крылатское». Поезд дальше не пойдет. Просьба освободить вагоны», – объявил приятный женский голос.

– Я живу недалеко, – неожиданно сказала она. – Пойдем?

Одуревший от счастья Редников кивнул.

Они вышли из вагона, поднялись по лестнице и зашагали к Таниному дому, который действительно оказался в двух шагах. Очень скоро молодые люди уже подходили к ее подъезду.

– Вон моя квартира, – указала девушка на балкон второго этажа.

Через полминуты Герман уже снимал ботинки в ее прихожей.

– Тапки в ящике, – сказала она, закрывая дверь на все запоры.

Герман осмотрелся. Квартира была скромной, но уютной.

– Я живу одна, – сообщила Таня. – Родители подарили мне эту квартиру на совершеннолетие.

Они прошли в большую комнату «двушки». Хозяйка уселась на диван и похлопала рукой рядом с собой:

– Садись!

Герман опустился на бархатную обивку. Папка лежала у него на коленях.

– Открывай! – затаив дыхание сказала Таня.

Редников поднял обложку.

– Ты знаешь немецкий? – спросила девушка, осторожно взяв лежащий первым документ, который они уже видели в вагоне.

Герману было очень стыдно, но он вынужден был сказать правду:

– Нет... – Тут он посмотрел на следующий листок и обрадовался: – А вот здесь по-русски!

Чуть не столкнувшись лбами, они углубились в чтение.

– Генерал Мухин ваш дед?.. – Грязнов изумленно смотрел на стоявшего перед ним высокого парня в погонах старшего лейтенанта.

– Да... – тяжело произнес тот. – А погибший в метро Сергей Мухин – отец...

Начальник МУРа выглядел просто обалдевшим. Он немного знал этого способного опера, и вот оказывается, что Олег родственник убитых сегодня людей. Ну Мухин и Мухин, мало ли на свете Мухиных. А тут гляди ж ты – сын и внук!

– Садитесь! – запоздало указал он Олегу на кресло.

Старлей сел. Его лицо было красным от пережитого потрясения. Медленно подбирая слова, он обратился к Грязнову:

– Товарищ генерал-майор, я прошу вас тщательно расследовать гибель моего отца... – Олег глотнул воздух и добавил: – Я обладаю некоторой информацией, которая может оказаться полезной...

Пока Турецкий мылся, его не покидала мысль, что он не очень хорошо поговорил сегодня с Грязновым. Ведь тот звонил по серьезному вопросу, да и вообще – негоже бросать трубку, когда беседуешь со старым другом...

Но и извиняться перед Славкой тоже вроде было не за что. Турецкий действительно устал и имел право на отдых.

Александр упал на кровать, посмотрел в потолок, потом резко сел и уперся ладонями в колени.

Он уже знал, что надо делать.

Надев брюки и чистую рубашку, Турецкий снял с вешалки пиджак, влез в него, мельком глянул в зеркало и, удовлетворенно хмыкнув, вышел из квартиры.

У подъезда он сел в свою красную «семерку» и начал медленно выруливать из двора в сторону Комсомольского проспекта. По пути его машина остановилась, Александр вылез из нее и зашел в небольшой магазинчик у дороги.

Придирчиво осмотрев прилавок, он увидел несколько великолепных гладких лимонов, по которым сразу было видно – у них тонкая шкурка и отменный вкус.

– Взвесьте три штуки! – сказал он продавщице. – И положите в пакет.

Выйдя наружу, он снова сел за руль и поехал дальше.

– Мой отец был владельцем фирмы, которая занималась формированием различных баз данных... – сказал Олег.

– То есть? – спросил внимательно слушающий его Грязнов.

– Он собирал информацию и продавал ее заинтересованным лицам.

– А кому именно?

Олег выдержал паузу, пристально посмотрел на начальника и сказал:

– Последний заказ был из Совета Федерации.

– Герман, нам надо срочно избавиться от этой папки! – Таня выглядела еще более испуганной, чем часом раньше, в метро.

– Я знаю... – вздохнул Редников. – Надо передать ее по адресу, который здесь указан... – И он посмотрел на обложку.

– Ты что, дурак?! – завизжала Таня.

– Почему? – растерялся Герман.

– Ты соображаешь, что в ней?! Ты видел, чьи там фамилии?!

– Видел...

Редников и сам находился в полушоковом состоянии.

– Ты разве не понял, чем, оказывается, занимались эти люди?! – Не унималась Таня. – Они... Они... – Ее голос поднимался все выше и выше, и Герман не выдержал.

– Да замолкни ты! – рявкнул он.

Таня осеклась и изумленно посмотрела на него:

– Что?..

– Замолкни, говорю!

– Как ты со мной разговариваешь!.. – захлопала глазами девушка.

– Вот так и разговариваю! – Редников встал с дивана. Он вдруг показался ей высоким и мужественным.

– Что ты орешь на весь дом? – уже тише произнес Герман. – Хочешь, чтобы все тебя слышали?

Таня испуганно посмотрела на него и, сжав коленки, стала нервно покусывать ногти.

– Я боюсь... – плаксиво сказала она.

Вдруг у нее появилось желание выгнать этого Редникова с проклятой папкой. Зачем она вообще привезла его к себе домой? Однако намерение выставить Германа за дверь затихло, так и не успев разгореться.

Во-первых, ей все еще было страшно, и она хотела, чтобы кто-то находился рядом. А во-вторых, что стало для нее полной неожиданностью, Редников начинал ей нравиться. Этот худой синий сморчок вдруг повел себя вовсе не так, как она предполагала. Он не бросил эту папку, не убежал, а наоборот – спокойно проводил ее до дома, он... Да он не такой уж слюнтяй, в конце концов!

– Хочешь чаю? – неожиданно спросила она.

Герман посмотрел на нее и, улыбнувшись, сказал:

– Да.

Грязнов достал из стоявшего у стены шкафчика бутылку коньяка, взял чистый стакан и налил Олегу:

– Вперед.

Старлей выпил.

– Итак, ты понял? – стоя перед ним, сказал Грязнов. – Сам пока ничего не предпринимай!

– Но я... – начал Олег.

– Я сказал – ничего!

– Есть, товарищ генерал-майор... – кисло согласился старлей.

– Если будешь нужен, к тебе обратятся... – Грязнов потер лоб. – Но сам не лезь! – еще раз сказал он.

– Ясно... – Олег встал с кресла. – Разрешите идти, товарищ генерал-майор?

Начальник МУРа посмотрел на Олега и похлопал его по плечу:

– Крепись, старлей... – Потом генерал шумно выдохнул и сказал: – Иди...

Турецкий открыл дверь в кабинет Меркулова и застал своего шефа смотрящим в окно.

– Я так и знал, что ты еще не уехал! – сказал Александр.

Константин Дмитриевич повернулся. На его лице изобразилось удивление:

– А что ты тут делаешь-то? Я ж тебя отпустил.

Турецкий прошел на середину кабинета, помахивая полиэтиленовым пакетом. На ходу запустив в него руку, он остановился у длинного стола для заседаний и выложил один за другим три крупных лимона.

– Ну? – спросил Меркулов.

Турецкий молчал.

– Понял, – сказал Меркулов и достал из тумбочки запечатанную бутылку коньяка.

Александр взял графин и по-простецки сполоснул лимоны над вазой с цветами.

– Дай, пожалуйста, тарелку и нож, – попросил он хозяина кабинета.

Через пять минут они сели друг против друга и махнули по первой.

– Ну? – опять спросил Меркулов.

– Слушай, – начал Турецкий, – мне сегодня Славка звонил...

Таня и Герман прошли на кухню, где девушка поставила на плиту чайник. Пока он грелся, молодые люди сели за небольшой круглый столик. Таня достала чашки, плеснула заварки и выложила на тарелку хрустящее печенье из разноцветной пачки.

Герман задумчиво следил за ней.

– Ой, у тебя ресничка! – вдруг сказала девушка. – Угадай, с какой стороны.

Редников чуть задумался и ответил:

– С левой.

– Правильно! – Она подалась вперед и очень осторожно коснулась пальцами уголка глаза Редникова. Потом отвела руку и сказала: – Вот она! Теперь загадай желание!

Герман загадал.

Таня оттянула ему ворот футболки и бросила туда ресничку.

– Теперь сбудется! – улыбнулась она.

Редников видел, что отношение к нему девушки стало другим. «Только бы оно снова не поменялось...» – именно это желание он и загадал несколько секунд назад.

На плите засвистел чайник, Таня встала, сняла его и налила в чашки кипятка.

– Сколько тебе сахара? – спросила она Германа.

– Два куса.

Таня взяла щипчики, опустила их в сахарницу и бросила в редниковскую чашку белые кубики.

– Приятного аппетита, – сказала Таня, подвинула ему печенье и снова улыбнулась.

Герман был на седьмом небе.

«Только бы все так и шло... – снова подумал он. – Главное – не упустить ее расположение...»

– Может, ты все-таки выбросишь эту папку?... – вдруг мягко произнесла Таня и внимательно посмотрела на него.

Когда Константин Дмитриевич и Александр ополовинили бутылку, в дверях показался Грязнов.

– О! – удивился Меркулов. – Легок на помине!

Вячеслав покосился на Турецкого и с деланным смирением произнес:

– Пустите?

– Заходи! – махнул ему Константин Дмитриевич и отодвинул стоящий рядом с собой стул: – Садись!

Грязнов сделал несколько шагов вперед, опустился на предложенное место и осмотрелся. Недалеко от него, на стеклянном подносе, стоял графин, окруженный перевернутыми стаканчиками. Грязнов взял один из них и поставил перед собой.

– Сань, налей ему, – сказал Меркулов.

Турецкий плеснул Вячеславу коньяка, и тот мгновенно его выпил. Потом взял с тарелки лимонную дольку и с аппетитом съел.

– Саня сказал, что ты ему звонил... – начал Меркулов.

– погоди, – вдруг перебил его Грязнов. – У меня есть кое-что новенькое...

– Ну так что? – еще раз спросила Таня. – Ты выбросишь папку?

Редников понял, что если он сейчас ошибется, то не простит себе этого никогда в жизни. И он, кажется, понимал, как ему надлежит действовать.

Герман сделал глоток, не торопясь поставил чашку на стол, важно почесал подбородок и решительно сказал:

– Нет!

Бутылка была пуста.

– Я чувствую, что МУРу все равно придется заниматься этими убийствами, – сказал Грязнов. – Так что уж лучше с вами, чем с кем-нибудь...

Меркулов усмехнулся:

– До твоего прихода Сашка втирал мне то же самое...

Вячеслав посмотрел на Турецкого:

– Спасибо.

– Да будет тебе, – отмахнулся Александр.

Константин Дмитриевич поерзал на стуле и сказал:

– Ну что же, Вячеслав... Раз Александр Борисович и сам дал согласие... Я выношу постановление о передаче этих дел – об убийстве отца и сына Мухиных – господину Турецкому...

– Отлично, Костя! – Голос Грязнова сразу повеселел.

– Только мне нужно будет пообщаться с твоим Бароном! – сказал ему Александр.

– Нет проблем!

Вор в законе Барон сидел на жестком сиденье лужниковской трибуны, угрюмо наблюдая за ходом футбольного матча ЦСКА – «Спартак». До конца оставалось не так уж много времени, а его любимые армейцы проигрывали один – ноль и, несмотря на все свои усилия, никак не могли прорваться к воротам красно-белых. Барон нервничал.

«Опять продуют, – думал он. – Лучше б и не приезжал...»

Его звали Игорь. Игорь Копылов. Однако воровская кличка давно заменила данное при рождении имя, и теперь все, включая работавших с ним муровцев, обращались к нему исключительно – Барон. Кстати, во внешности этого человека и впрямь было что-то дворянское – тонкие черты лица, аккуратно уложенные волосы с легкой проседью и благообразная бородка никак не вязались с родом занятий господина Копылова. Когда полчаса назад он сидел, сомкнув веки, на своем сиденье и постукивал длинным пальцем по обтянутой шелковой штаниной коленке, можно было подумать, что это консерваторский профессор внимает какой-то чарующей музыке. Однако тогда Барон просто наслаждался уходящими ощущениями, которые подарила ему принятая за несколько часов до этого доза кокаина. И как только он открыл глаза, его холодный, злой взгляд сразу выдал скрываемую приятным обликом суть хищника.

В голову немедленно полезли мысли, так мучившие его в последнее время.

– Надоело... – чуть слышно произнес он. – Как мне все это надоело...

Вот уже несколько лет он работал на МУР, снабжая милицию необходимой ей информацией. За это ему позволялось несколько больше, чем его «коллегам» по цеху, но Барон все равно был недоволен сложившимся положением. Рано или поздно братва узнает о его связи с легавыми – и тогда...

Он мотнул головой, как бы стряхивая хандру. Хватит! Сегодня у него день отдыха. Он принял дозу и приехал на стадион, чтобы получать удовольствие от игры. Все!

В штрафной площадке армейцев толстый арбитр ткнул красной карточкой прямо в лицо разгоряченному защитнику.

– С поля удаляется игрок команды ЦСКА Фомичев! – объявил диктор.

«Вот тебе и удовольствие!» – плюнул Барон. Он почувствовал неприятное ощущение сухости в горле. У него начинался отходняк. Вот-вот – Копылов это знал – по телу медленно, но верно расплзется противный мелкий озноб.

– «Спартак» – чемпион! – завизжали сидевшие на три ряда ниже Барона фанаты ненавидимой им команды.

Барон вздрогнул. Кокаиновое похмелье стремительно вступало в свои права, и резкие звуки начинали пугать Копылова, заставляя его тело непроизвольно сжиматься.

«Хорошо, хоть народа сегодня немного...» – подумал он.

На трибунах действительно было малоллюдно. С восточной стороны сидел лишь он сам, несколько десятков разбросанных по секторам мужиков да эта вот ватага шумных фанов, обмотанных спартаковскими шарфами. Ряды, отделявшие их от Барона, были абсолютно пусты. А с другой стороны поля, как раз напротив, виднелись кучки красно-синих, которые, кстати, были противны Барону не менее, чем красно-белые. Такое же тупое, пьяное хулиганье. Быдло. Копылов брезгливо поморщился. «Впрочем, ну их... Если обращать внимание еще и на эту сволочь, то никаких нервов не хватит!» Он прислушался к себе. Неприятные ощущения уси-

ливались, но Барона это не пугало. Он знал, что беспощадная ломка не успеет его скрутить. Ведь, как всегда, он все предусмотрел заранее. Там, во внутреннем кармане пиджака, зажатое между бумажником и записной книжкой, расплющилось упакованное в целлофановый пакет спасение. Кокаин. Его было как раз на одну дорожку. Этого ему хватит.

После разговора с Грязновым прошло уже полчаса, а Олег все не мог успокоиться. Как это, «не вмешивайтесь в расследование, товарищ старший лейтенант»?! Как это, «его будут проводить другие»? Да что вообще происходит?! Убили его деда и отца, а ему не вмешиваться?! Но это же, наконец, просто глупо! Ведь именно он лучше других знает, каковы мотивы совершенных преступлений! Ведь и сам Грязнов согласился с ним! Олег возмущенно ходил по муровскому коридору и никак не мог остановиться. Потом все-таки присел на краешек одного из расположенных вдоль стены стульев, попытался успокоиться, взять себя в руки, но тут же снова вскочил и продолжал раздраженно вышагивать по длинной ковровой дорожке, заложив руки за спину.

Нет, Олегу было, конечно, понятно, что родственные связи с убитыми не дадут ему возможности участвовать в расследовании официально. Но ведь он этого и не хотел! Зачем официально, если можно действовать частным порядком? Однако Грязнов и это запретил!

«Впрочем, – остановился Олег, – как он может запретить мне делать что-то в свое личное время?»

Сначала эта мысль его испугала. Несколько секунд он стоял, потирая пальцами наморщенный лоб, потом шагнул к стулу, рассеянно посмотрел на него, и, наконец, грузно опустился на обитое дерматином сиденье, откинув голову назад и опершись на подлокотники.

«Но ведь это же неисполнение приказа...»

Олег всегда был примерным юношей. В школе – круглый отличник, спортсмен, общественник. В Высшей школе милиции получил красный диплом, что дало ему возможность самому избрать место прохождения службы. Он выбрал МУР и тут тоже оказался на хорошем счету, вполне образцово проведя ряд оперативных мероприятий. До нынешнего дня жизнь вообще не давала ему повода для недовольства. А сегодня...

Дед и отец мертвы.

Олег понял, что впервые испытывает жажду мести. Это чудовищное по силе ощущение зародилось где-то в центре груди и понеслось во все стороны, словно взрывная волна, обжигая все тело и заряжая организм бешеной энергией. Он снова вскочил. К черту приказы! Ему надо самому найти убийц. И самому прикончить их. Как собак! В его голове начал выстраиваться план дальнейших действий. Значит, так. Сначала нужно разыскать Барона. (Ведь Олег работал с этим информатором и в числе очень немногих сотрудников Московского уголовного розыска знал его контактный телефон.) Барон может обладать кое-какими сведениями. Потом... Ну а потом будет видно. Олег побежал в свой кабинет, бросился к телефону и принялся набирать номер муровского осведомителя...

Висящий на поясе Барона мобильник начал выдавать короткие трели. Копылов машинально потянулся за трубкой, вытащил ее из чехла и уже собрался было ответить, но вдруг передумал.

«Да пошли они все! – мрачно глянул он на аппарат. – У меня отдых!»

Он чувствовал, что звонили из милиции. В последнее время к нему стали обращаться все чаще и чаще, и это совершенно не нравилось Барону. Правда, раз и навсегда отвязаться от назойливых слуг закона у него все равно не получилось бы. Встав однажды на скользкий путь служения и своим, и чужим одновременно, он вынужден был идти по нему до конца. Но ненадолго пропасть из виду он все-таки мог.

И Барон решительно нажал на кнопку отключения телефона.

«Если очень нужен, найдут!» – сказал он себе и наконец полез в карман за заветным пакетиком. Вытащив его, Копылов со знанием дела взвесил на ладони предмет своего вождения, ощутив открывающуюся лишь посвященным свинцовую тяжесть грамма кокаина...

Когда сорвался первый звонок, Олег решил, что это просто неполадки в сети. Но, набрав номер второй раз, он услышал крайне неприятное для себя «анэйбл ту конектед» и со злостью швырнул трубку обратно на рычаги.

– Где его черти носят! – выдохнул Олег. – Пропадает как раз тогда, когда нужен!

Тем не менее найти Барона было просто необходимо. Он явно был в курсе тех дел, которыми занимались дед и отец. Кроме того, он обладал такой полной и часто неожиданной информацией, касающейся преступного мира, что работавшие с ним муровцы время от времени называли его «Что, где, когда». Без помощи Барона в раскрутке этих убийств обойтись было нельзя. Но где он?!

Олег вышел из кабинета и направился на улицу.

– Олег, подожди! – окликнул его знакомый сотрудник.

– А, Саня, привет...

Они пожали друг другу руки.

– Я слышал, что у тебя... – Сашка, опер из четвертого отдела, запнулся и стал подыскивать нужное слово. – Что... Ну, в общем, если тебе нужна помощь, ты это... Только скажи...

«Я должен сам!» – выстрелило в голове Олега.

– Спасибо тебе, Саш, но...

– Мы все поможем, – горячо перебил Саша. – Если что нужно...

«Сам!» – опять раздалось внутри.

– Нет, ничего не надо, – твердо произнес Олег. – И спасибо... Спасибо вам.

Он развернулся и снова двинулся к выходу. По пути к нему подходили сочувствующие ребята, говорили какие-то слова, утешали, предлагали помощь, он всех одинаково благодарил, но так же упрямо продолжал пробиваться на улицу, как будто проходил через некую странную полосу препятствий, которая была более тяжелой, чем та, боевая, на которой он никогда не получал оценки ниже «отлично». Два лестничных пролета и пятнадцать метров коридора показались Олегу расстоянием до Луны, но он преодолел их и выскочил наконец в зеленый двор ГУВД, пересек его, вбежал в гараж главка, где стояла его «девятка», сел и завел двигатель.

– Сам! – еще раз сказал он себе, выехал из гаража и помчался по гудящей и рычащей Петровке.

Барон решил принять дозу прямо на трибуне. Народу все равно мало, никто ничего не заметит. А если и заметят, какая разница? Милиция все равно ничего ему не сделает, стоит лишь разок позвонить куда следует, так они еще и извинятся за причиненное беспокойство. Человеку с его знакомствами прощается и не такое. Знакомства... Нужные люди... Сколько их? Десятки? А может, сотни? Даже сильные мира сего не раз обращались к нему с просьбой свести с таким-то человеком, утрясти какой-нибудь вопрос с другим, разузнать что-то у третьего... Мафиози, политики, милиционеры, банкиры, фээсбэшники, артисты – кто только не ходит в его знакомых! И каждый день дела, дела... Барон подумал, что в последнее время ему все больше нравится одиночество. Сидеть бы вот так, смотреть футбол, ни о чем не думать... Нет, правильно он все-таки сделал, что отключил этот надоевший до смерти телефон...

К этому моменту армейцы перехватили инициативу, сровняли счет и теперь все чаще выходили один на один со спартаковским вратарем. Настроение Барона стало подниматься. Правда, его слегка нервировали орущие время от времени спартаковские фанаты, но... что ж тут поделаешь? К тому же, когда он примет дозу, жизнь все равно покажется ему праздником.

Итак, доза. Барон кашлянул, пригладил бородку, чуть улыбнулся и начал священнодействие.

Наклонившись вбок, он взял стоящий рядом с ним кейс из натуральной крокодиловой кожи и достал чистый лист черной бумаги. После этого, щелкнув замками, он закрыл кейс, в котором, кстати, не было ничего, кроме тонкой пачки таких же листов, и поставил его на место.

В это время полузащитник ЦСКА прошел по левому краю, передал пас вырвавшемуся к воротам нападающему, тот ударил, но вратарю красно-белых все же удалось отразить летящий со скоростью снаряда мяч.

Это не расстроило Барона, он видел, что армейцы чувствуют себя все увереннее и увереннее.

Аккуратно оторвав уголок от запаянного пакетика, он собрался высыпать его содержимое на лист, но в последний момент засмотрелся на новую атаку своей команды, которая имела такое многообещающее начало, что трибуны замерли в ожидании развязки.

В этот момент у него довольно сильно кольнуло сердце. Организм не желал ждать завершения атаки, он требовал кокаина немедленно, и ему было плевать, забьют или не забьют. Барон понял, что если он не примет дозу прямо сейчас, то ломка может оказаться ужасной.

На стадионе было абсолютно безветренно, и это полностью его устраивало. Очень медленно, с предельным вниманием он начал высыпать белый порошок на бумагу. После того как осталась половина, Барон еще раз осторожно кашлянул и продолжил вести тонкую белую струйку по чуть подрагивающему в руке черному листу. Скоро дорожка была готова. Затем Копылов вытащил из кармана брюк приготовленную заранее купюру и не глядя двумя пальцами скрутил ее в трубку.

Тем временем цеэсовский нападающий снова прорвался в штрафную «Спартак», обвел одного защитника, другого, размахнулся своей мощной ногой и залепил мяч точно в правый угол вражеских ворот.

Фаны ЦСКА на противоположной трибуне от счастья стали подбрасывать вверх свои кепки.

Барон понял, что настал лучший момент для вдыхания этого искрящегося белого зелья, которое вот-вот должно было избавить его от надвигающейся боли и подарить силы и радость. Он повернул голову в сторону, сделал выдох, вставил один конец только что скрученной трубки в ноздрю, затем трясущейся от напряжения рукой медленно поднес лист к лицу и...

В этот момент раздался ужасный взрыв. Барону показалось, что разорвалась атомная бомба. Причем прямо перед ним – метрах в пяти. Его тело сковала судорога, пальцы, держащие лист, сами собой разжались, и белый порошок, соскальзывая с бумаги, устремился вниз, где начал растворяться в воздухе и медленно оседать в пыли, покрывающей натоптанный бетон, на котором крепились сиденья.

Лишь скрученная купюра так и осталась торчать в ноздре Барона.

Через секунду он понял, что это была не бомба. Все оказалось проще – фанаты «Спартак», которые сидели перед ним, только что взорвали огромную петарду.

Тем временем недалеко от стадиона, прямо на обочине дороги, припарковался шикарный синий «форд» новейшей модели, из которого вылез невысокий усатый мужчина. Отчего-то он не захотел въехать на своей машине на платную автостоянку, которая находилась рядом и была огорожена сетчатым металлическим забором. Мужчина, явно что-то высматривая, прошелся вдоль ограждения и приостановился, заметив красовавшуюся в самом престижном месте стоянки – у будки дежурных – сияющую «ламборджини».

Это была машина Барона.

Мужчина улыбнулся в усы и направился к центральному входу.

Барон был в шоке. Доза потеряна! Потеряна из-за этих ублюдков, которые и понятия не имеют, что они натворили, взорвав свою идиотскую петарду! Копылов даже растерялся. В таком страшном положении, как сейчас – один, с начинающейся ломкой, без дозы, – он никогда не оказывался. Нет, он, конечно, в состоянии достать себе кокаин. У него есть постоянный дилер, и несколько минут назад Барон звонил ему, чтобы тот сам привез наркотик в Лужники. Но дилера, как назло, на месте не оказалось. С тех пор трубка работала в режиме автодозвона, но на другом конце все не отвечали... Барону становилось хуже и хуже...

Между тем фанаты продолжали куражиться. Только что они надули и подняли над головами огромный воздушный шар, на котором была нарисована страшная рожа с красным и синим фингалами под глазами.

Сидевшие напротив болельщики ЦСКА напряглись.

Барон понимал, что, строго говоря, в произошедшем был виноват скорее он сам, нежели эти ребята. В конце концов, стадионы строятся не для того, чтобы тут нюхали кокаин. Но злость все равно душила его и искала выхода. Если бы он сейчас чувствовал себя нормально, то просто поднялся бы и набил морды этим молокососам, чтобы они стали выглядеть точно так, как их воздушный шар. Но сил у Барона не было. Он даже наорать не мог как следует на эту ораву – она все равно бы его не расслышала.

Вдруг Барона осенило.

С трудом повернув свой ноющий торс, он дотянулся до кейса, поднял его, открыл и достал пачку черных листов. Сорвав держащую их крупную скрепку, он пихнул бумагу обратно, закрыл кейс и поставил его к ногам. Затем отогнул тонкий металлический кончик скрепки, собрал остатки сил и, больше на удачу, нежели прицеливаясь, швырнул эту острую железяку в сторону висящего в нескольких метрах от него воздушного шара.

Раздался взрыв. Ошметки резиновой рожи шлепнулись вниз.

Фаны ЦСКА на противоположной трибуне заржали так, что на них начали оборачиваться футболисты.

Барон криво ухмыльнулся.

– Э, мужик, ты че? – обернулся к нему длинный красно-белый, который нашел скрепку и просек, какого именно рода неприятность случилась с шаром.

– Закрой рот, обсосок! – прошипел Барон.

Немотря на шум, его слова были поняты.

– Ты че, борзой?! – взвизгнул другой фанат, толстый и рябой.

Барон не знал, что он сделал бы с этой шушерой, будь у него силы. Он, наверное, просто вдолбил бы их в бетон, на котором они стояли. И видимо, картины, рисовавшиеся его воображению, были столь живописны, что фанатам удалось разглядеть их в пылающих ненавистью глазах вора в законе.

– Да ладно, чего там... – сказал длинный и почесал свои грязные черные патлы. Было видно, что он побаивается. Столкнувшись взглядом с этим странным человеком, излучавшим какие-то холодные, парализующие флюиды, длинный инстинктивно понял, что лучше будет не дергаться.

Рябой толстяк тоже не стал продолжать перебранку, однако злобу, судя по всему, затаил.

Впрочем, Барон не обратил на это ровным счетом никакого внимания. Хрен с ними. Он победил.

Хотя, по большому счету, ну что это за победа? Кто он и кто они? Плюнуть, растереть и забыть об этой шантрапе... У него сейчас одна забота – как выйти из ломки?

Усатый мужчина появился в проеме выхода на трибуны, осмотрел открывшееся пространство и, даже не остановив взгляда на футбольном поле, направился вниз по проходу между секторами. Пройдя метров двадцать, он снова встал и начал внимательно всматриваться

в сидящих на трибунах людей. Очень скоро мужчина заметил находившегося на довольно приличном расстоянии от него Барона и сразу же пошел в его сторону.

Автомобиль Олега примчался к расположенному в районе Рублевки особняку Барона и, оставляя на асфальте черные полосы, затормозил напротив ворот. Сидевшая возле них серая облезлая кошка шарахнулась в сторону. Олег выскочил из машины, сделал несколько шагов и ткнул пальцем в черную кнопку звонка.

Через минуту лязгнул замок и дверь, находящаяся в одной из створок, приоткрылась. В щели показалась лысая мужская голова.

– Барон дома? – спросил Олег.

– А ты кто? – безо всяких эмоций ответил вопросом на вопрос лысый охранник.

Вообще-то Олегу не следовало сюда приезжать. Его контакты с Бароном ограничивались встречами на нейтральной территории и всегда должны были быть заранее оговорены. Но сегодня случай исключительный.

– Так он дома или нет? – как будто не расслышав охранника, снова спросил Олег.

– Нет.

– Точно?

– Точно.

– А где он?

– А ты кто?

Разговаривать было бесполезно. Назвать себя Олег не мог, а если б и назвал, то это ничего бы не изменило. Охранник, естественно, не знал, что Барон является милицейским осведомителем. Но, похоже, его действительно не было дома. Обо всех приезжающих ему обычно докладывали.

Олег развернулся и пошел к машине. Охранник провожал его бесстрастным взглядом. Олег уже открывал дверь, как вдруг из-за спины донеслось:

– Ах ты падла!

Олег резко обернулся.

Но охранник орал вовсе не на него, а на снова приковылявшую к воротам облезлую кошку.

– Я тебя сколько раз отсюда гонял, гнида! – не унимался лысый. – Хочешь, чтобы я тебя вообще убил?!

И с этими словами он отвел назад ногу, явно намереваясь ударить несчастное животное. Однако кошка вывернулась и драпанула в сторону. Нога охранника просвистела в сантиметре от ее серого зада.

И тут Олег догадался.

«Футбол! – сверкнуло в его голове. – Сегодня же играет ЦСКА!»

Теперь он знал, где искать Барона. Через несколько секунд его красная «девятка» уже уносилась в сторону города.

– Ну здравствуй, Барон. – Усатый мужчина стоял рядом и очень дружелюбно смотрел на Копылова.

– Андреич? – Барон хмуро покосился на подошедшего. – Привет, привет... А чего ты здесь?

– Да вот тебя увидел и подошел.

– Опять дела, что ли? – Барон недовольно повел бровью.

– Нет-нет, что ты... Я просто так. Давно ведь не виделись.

– Просто так? – Копылов удивленно посмотрел на усатого. Он хотел еще что-то добавить, но неожиданно начавшийся приступ кашля сложил его пополам.

Мужчина присел на соседнее сиденье и сочувственно спросил:

– Ломка?

Барон откашлялся и просто ответил:

– Да.

– Понятно...

Несмотря на соболезнующий тон усатого, Барону на мгновение показалось, что тот в глубине души очень доволен тем, что у него ломка.

– Так чего тебе надо-то, Андреич? – спросил Барон.

Андреич опустил руку в карман, пошарил в нем и вытащил наружу зажатый кулак.

– Как часто ты мне помогал, Барон... – неожиданно сказал он.

– Чего, чего?

– Я говорю, сколько раз ты меня выручал в разных делах... – Усатый улыбнулся.

– Ты мне спасибо, что ли, пришел сказать? – недоверчиво посмотрел на него Барон.

– На, – сказал усатый и разжал ладонь.

Прямо в центре нее лежал целлофановый пакетик с белым порошком. Точно такой, какой еще совсем недавно был у Копылова.

– Это что?.. – не веря происходящему, спросил Барон.

– Кокаин, – объясняя и так понятное, сказал Андреич.

– Кокаин?..

– Ну да.

– А откуда он у тебя? Ты же не употребляешь?

– Ну... – замялся Андреич. – Иногда употребляю...

– Да? – удивился Копылов.

– Ну да, да... – как-то быстро сказал усатый и, явно меняя тему, снова улыбнулся

Барону: – Но тебе ведь сейчас нужнее, правда?

– А чего это ты так обо мне заботишься? – насторожился Барон.

Усатый посмотрел ему прямо в глаза и сказал:

– Я хочу, чтобы тебе было хорошо.

Почему-то верилось, что он говорит правду.

В другой раз Барон, может, и поразился бы такому повороту событий, но сейчас ему было не до этого. Ломка диктовала свои условия поведения.

– Спасибо, – выдавил он несвойственное ему слово, затем быстро надорвал пакетик, попробовал содержимое на язык и удовлетворенно кивнул головой: – Чистейший!

– Ну! – подтвердил усатый. – Самое то!

Барон достал из кейса лист, насыпал на него дорожку и, снова скрутив из купюры трубку, засунул ее в ноздрю. Потом, как будто что-то вспомнив, быстро глянул в сторону фанатов и, словно пылесос, прошелся над сахарно-белой полоской.

Все!

– Хорошая вещь... – только и смог произнести он, с наслаждением развалившись на сиденье.

– Ну ладно, мне пора, – сказал вдруг усатый.

– Ты уже? – удивился Барон.

– Да. – Мужчина резко поднялся с сиденья. – Ну, бывай, я пошел... – И он зашагал прочь.

– Пока, пока... – растерянно произнес уже начинающий ловить кайф Барон. – Стой! – крикнул он вдруг.

Усатый обернулся:

– Ну?

– А чего ты приходил-то?

Мужчина как-то странно улыбнулся и, не ответив, пошел к выходу.

Забыв о существовании педали тормоза, Олег несся в направлении Лужников. Оставалось не так уж и далеко. Он решил срезать и, съехав с шоссе в известном ему месте, рванул по узкой, кое-где выщербленной дороге. Пару раз повернув, его машина уткнулась в «кирпич», за которым стоял наскоро сколоченный деревянный шлагбаум.

– Давай назад! – крикнул ему томящийся неподалеку на солнышке сержант гибэдэдэшник.

Олег удивился. Ни знака, ни шлагбаума на этом месте никогда не было.

– А что здесь такое? – высунувшись из окна, спросил он сержанта.

– Дорожные работы!

Однако ни строительной техники, ни мужиков в оранжевых куртках поблизости почему-то не наблюдалось.

– Где работы-то? – не понял Олег.

– Там... – неопределенно махнул рукой гибэдэдэшник, – за домом! – И уже строже произнес: – Короче, сказано тебе – уезжай! Вон видишь, все разворачиваются!

Олег посмотрел назад. Недовольные автовладельцы, матерясь, выруливали в обратную сторону.

– Слушай, – обратился Олег к сержанту. – А может, пропустишь? Я там как-нибудь по краешку... У меня вот... смотри... – И он достал из кармана муровское удостоверение.

– А-а... – протянул гибэдэдэшник. – Ну так бы сразу и сказал... – Он повернулся и крикнул в сторону шлагбаума: – Чуханов! Слышь, Чуханов!

Из травы, которой заросла обочина, поднялся белобрысый рядовой:

– Чего?

– Открой ему! – приказал сержант. – Это свой. – И, улыбнувшись Олегу, произнес: – Езжай, товарищ старший лейтенант, там дорога чистая!

– Как – чистая? – не понял Олег.

– Да так, – сказал сержант. – Третий день торчим тут как дураки, а рабочие все не едут... Деньги им, что ли, не перечислили или еще чего, даже и не знаю... А у нас приказ: все перегородить и никого не пускать. Вот и не пускаем! – На этих словах сержант смачно сплюнул и добавил: – Бардак, короче говоря, в стране!

– Да-а... – покачал головой Олег. – Ну бывайте, ребята!

Белобрысый поднял шлагбаум, и Олег снова помчался в Лужники.

Барону было хорошо. Порошок, всосавшись в кровь, вернул его к жизни и с каждой секундой делал все более и более энергичным.

«Но зачем приходил Андреич? Неужели правда просто так? – Барон почесал затылок. – А какая, в сущности, разница? Главное – он принес избавление от ломки. Остальное не суть важно».

Через некоторое время Барон ощутил в себе уже какие-то сверхчеловеческие силы. Он посмотрел на без толку мотающегося по полю армейского нападающего, и тот моментально получил мяч, вырвался к воротам, обманул защитника и забил второй гол.

Барон посчитал это личной заслугой. Теперь, когда он снова всемогущ, ему под силу даже выиграть матч для любимой команды!

– ЦСКА – позорные твари! – завопили сидящие впереди спартаковские фаны. – «Спартак» непобедим!

Барон понял, что достичь полного счастья ему мешают только эти недоноски.

– Эй, вы! – крикнул он.

Первым обернулся рябой толстяк:

– Че надо?

- Пошли вон отсюда!
- Че? – вытянулись лица у фанов.
- Вон, я сказал!

Рябой толстяк, еле сдержавший себя раньше, на этот раз не стерпел. Он перелез через ряды и вразвалку подошел к Барону:

- Ну, козел, ща я тебе...

Закончить он не успел. Мощным ударом ноги Барон отправил его обратно за три ряда, и, свалив пару пытавшихся поддержать его друзей, толстяк растянулся под сиденьями.

- Кто еще хочет? – спросил Барон.

Желающих не было. Это его совершенно не устраивало, поскольку он только начал раззадориваться. Копылов хотел было сам подскочить к фанатам, но вдруг почувствовал знакомую резь в животе. Дело в том, что через некоторое время после приема дозы его всегда тянуло в туалет. Такова уж физиологическая особенность копыловского организма. Об этом знали все его друзья и в шутку говорили, что Барон начал принимать кокаин, чтобы избавиться от запоров.

- Я скоро вернусь! – предупредил он притихших фанатов и направился в сторону выхода.

Уже почти скрывшись в проеме, Барон услышал, как рябой толстяк, поднимаясь, прокричал:

- Я его грохну...
- Ну-ну, – ухмыльнулся Копылов. – Посмотрим...

Посидев минут пять в кабинке, довольный Барон подошел к умывальнику. Больше в туалет ему не захочется, – это случается только раз, вскоре после того, как организм закончит усвоение кокаина. Барон сполоснул руки и пошел к двери. Энергия, подаренная наркотиком, была настолько сильной, что он уже не вполне мог контролировать ее, и когда его рука потянулась к ручке, то за ней устремилось все тело и Копылов неловко качнулся в сторону.

В этот момент за его спиной послышался какой-то шорох, и вдруг точно в том месте, где мгновение назад находилась его шея, сверкнуло лезвие вedomого чьей-то быстрой рукой ножа. На него пытались напасть сзади.

Барон даже опешил. Но только на миг.

– Убью! – взревел он и начал оборачиваться, однако покушавшийся оттолкнул его и выскочил из туалета. Барон так и не увидел, кто это был. Когда через секунду он оказался-таки в коридоре, его несостоявшийся убийца уже скрылся за угол.

«Это толстый! – мелькнуло в голове. – Ну конечно, это толстый!»

Вылетев на трибуну, Барон увидел, что фанатов уже нет. Да и матч, собственно, закончился: немногочисленные зрители, активно обсуждая перипетии минувшей игры, покидали свои места.

«Я поймаю его на улице!» – подумал Барон и бросился к выходу.

Подъезжая к стадиону, Олег увидел, что из него уже потянулись струйки болельщиков. Барон всегда сидит в одном и том же секторе, поэтому Олег знал, у какого выхода его встречать. Надо обогнуть стадион...

Барон выбежал из лужниковских дверей и стал бешено озираться по сторонам, пугая проходящих мимо людей.

«Где он?!» – стучало в мозг.

Вдруг его внимание привлекли какие-то крики. Барон инстинктивно направился в их сторону и увидел, что они сопровождают лихую драку, которая завязалась невдалеке между

армейскими и спартаковскими фанатами. К огромному удовольствию, Барон узнал среди них «своих».

– Убью! – снова заорал он и бросился в машущую руками и ногами кучу.

Отбросив нескольких человек, он прорвался в середину, глядя по сторонам и высматривая толстого. Но в этой мешанине безумных молодых людей в рваных, залитых кровью футболках, с хлюпающими, разбитыми носами и оттопыренными фиолетовыми ушами трудно было разыскать нужного человека. Поэтому Барон принялся лупить всех подряд, надеясь в конце концов добраться до своего врага. Когда он поднял кулак в очередной раз, ему показалось, что его ужалила оса. В спину, чуть пониже левой лопатки. Он хотел смахнуть ее с себя, но оса сумела каким-то образом вгрызться в тело, пролезть сантиметров на десять внутрь и, задыхаясь, начала крутиться в агонии, после чего затихла.

Это был удар ножом под сердце с проворотом. Через несколько секунд Барон умер.

Когда Олег увидел драку, то почему-то сразу почувствовал неладное. Едва он выскочил из машины, как куча фанатов вдруг стала стремительно редеть, и в тот момент, когда Олег подбежал к лежащему в луже крови Барону, вокруг уже никого не было.

Вдали показались милиционеры.

Вдруг Олег заметил, как с обочины трогается и быстро набирает скорость синий «форд».

Моментально сориентировавшись, старлей бросился к своей «девятке», сел за руль и устремился в погоню.

«Форд» попытался оторваться, но Олег цепко держался на «хвосте», все сокращая и сокращая дистанцию.

Через какое-то время удирающая машина, проигнорировав красный сигнал светофора, не сбавляя скорости пронеслась через перекресток, и Олег проделал то же самое, еле увернувшись от уже тронувшихся сбоку отчаянно гудящих машин.

Вскоре «форд» резко свернул в переулок, чуть не сбив переходившую дорогу бабку. Олег последовал за ним, виновато посмотрев на старушеницу и приложив руку к груди. Бабка не приняла извинений и изо всех сил ударила своей клюкой по ускользающему от нее багажнику «девятки», едва не разбив стекло.

Через несколько мгновений «форд» снова выскочил на большую дорогу с другой стороны переулка и помчался в противоположную сторону.

Олег гнал за ним. Скоро ему удалось приблизиться к преследуемой иномарке почти вплотную. Олег уже хотел пойти на обгон, чтобы прижать ее к обочине, но «форд» вдруг резко развернулся на ходу и, чуть не опрокинувшись, оказался на встречной полосе, снова рванув в обратную сторону.

Олег повторил этот маневр и опять стал приближаться к сволочной иномарке.

Но вдруг...

С ехавшего в соседнем ряду, чуть впереди него, грузовичка с черным армейским номером, в кузове которого грудой были навалены какие-то тюки, вдруг свалился плохо закрепленный мешок и шлепнулся прямо перед Олеговой машиной.

Старлей еле успел дать по тормозам, вылетел на зеленеющий справа газон и, зацепив крылом дерево, остановился.

Из развязавшегося мешка высыпалось грязное постельное белье.

Олег посмотрел вперед. «Форд» стремительно уносился вдаль.

Старший следователь Валентин Попков сидел в своем маленьком кабинетике в здании Московской областной прокуратуры и задумчиво тер пальцем картонную обложку только что возбужденного уголовного следственного дела по факту убийства гражданина Федора Петровича Мухина.

Совсем недавно ему позвонили и сказали, что дело забирает в свое производство Управление по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры.

Странно, но Валентин почему-то не почувствовал облегчения от того, что с его плеч свалился этот груз.

Он вспомнил плачущую Наталью Павловну, к которой почему-то так и не приехал сын, и ему вдруг захотелось чем-то помочь этой женщине. Но чем? Дело-то у него забирают...

Надо сказать, что за всю свою службу Попков еще ни разу не сталкивался с таким преступлением. Все-таки убили не кого-нибудь, а действующего генерал-лейтенанта, да еще и занимающего такой высокий пост.

«Они берут к себе это дело, чтобы благополучно его замять...» – подумал он с горечью.

Сегодня Валентин должен был подготовить постановление о передаче дела, и в день, который ему укажут, вместе со всеми материалами Попкову надлежало явиться в Генеральную прокуратуру, к старшему следователю по особо важным делам Турецкому.

Валентину сразу не понравилась эта фамилия.

«Замнет он дело, как пить дать замнет...»

И, тяжело вздохнув, Попков стал составлять постановление о направлении дела в Генпрокуратуру.

Несмотря на столкновение с деревом, машина Олега могла ехать. Поэтому, не теряя времени, он снова нажал на газ и погнался за почти уже пропавшим из виду «фордом».

«Если он не дурак, – подумал Олег о водителе иномарки, – то снова свернет сейчас в какой-нибудь переулок, покрутится во дворах, и я его уже не найду...»

Но совершенно неожиданно для Олега за рулем «форда» оказался дурак. Он пер и пер по широкой улице, и уже через несколько минут старлей снова нагнал иномарку и наконец прижал ее к бордюру.

Выскочив из машины, Олег достал на ходу свой табельный пистолет и, держа его впереди себя, бросился к иномарке.

Ее правая дверь открылась, и оттуда один за другим спешно вылезли два парня – один длинный с невымытыми черными патлами, другой – рябой толстяк. На обоих были спартаковские майки.

– Стоять! – крикнул Олег. – Руки на капот, ноги раздвинуть!

Увидев пистолет, парни мгновенно присмирели и выполнили все указания опера.

Олег мельком глянул на их раздолбанный «форд» семидесятых годов выпуска. Когда старлей погнался за ним от Лужников, он даже не предполагал, что эта колыхага окажется способна на такую прыть.

«И как она не развалилась по дороге?» – подумал Олег и принялся обыскивать застывших в известной позе ребят.

Тане все еще было страшно. Редников наотрез отказался избавиться от папки с этими кошмарными бумагами.

Но странное дело, именно таким он ей и нравился. Своенравным, твердым, сильным. Эти качества она и ценила в мужчинах.

Поэтому Таня совершенно не понимала, как ей теперь быть. Выгнать Германа она не могла из-за окончательно уже сформировавшейся симпатии к отважному сверстнику, решившему во что бы то ни стало отвезти страшную папку по адресу, оставленному погибшим незнакомцем.

– Я надеюсь, что ты, по крайней мере, сделаешь это не сегодня? – спросила она Редникова.

– Не знаю... – подумав, сказал он. – А что?

– Да так, ничего... – хитро улыбнулась Татьяна. – Просто сегодняшний вечер я хотела бы провести с тобой...

Долго возиться с перепуганными фанатами Олегу не пришлось. Едва он показал им корочки, как они тут же выложили ему все, что случилось на стадионе, и рассказали, что «этого бородатого» убил какой-то мужик, затесавшийся во время драки в их толпу.

– Что еще за мужик? – спросил Олег.

– Да мы его знать не знаем! – в один голос заверещали фанаты. – Усатый такой!

Олег недоверчиво покачал головой:

– Что-то не верится...

– Да честное слово! – совершенно искренне сказал толстяк. – Я с него еще феньку сорвал!

– Какую феньку? – не понял старлей.

– Ща покажу... – пробормотал фанат и уже хотел было полезть в карман штанов, как вдруг спохватился и на всякий случай спросил: – Руки-то можно с капота убрать?

Они все еще стояли в прежней позиции, выставив в сторону Олега обтянутые джинсами зады.

– Повернитесь! – сказал старлей.

Фанаты выполнили указание и встали к оперу лицом.

– Так что за фенька? – снова спросил Олег.

– Вот! – Толстяк вытащил из кармана армейский медальон, представлявший собой металлическую пластинку на цепочке.

– А ну дай сюда! – сказал Олег.

– Держите... – Фанат протянул медальон оперу. – Там что-то выгравировано...

Олег внимательно посмотрел на пластинку.

– Вижу, – сказал он. – Так откуда, говоришь, он у тебя?

– С этого мужика сорвал! – повторил толстяк. – В драке!

– Зачем?

– Ну вы даете! – даже удивился фанат. – Там такая месиловка шла! Он к этому бородатому пробирался и по пути меня локтем ткнул, ну оттолкнул типа, а я тогда к нему сзади подлетел и по тыкве – хвабак! А ему – до балды, ну по барабану, значит. Тогда я ему еще пыра под зад влепил, а он как будто не чувствует: все лезет и лезет к бородатому. Ну я тогда думаю, может, его за цепочку схватить, ну чтобы он, типа, обратил на меня внимание... – Тут фанат перевел дыхание и продолжил: – Ну вот, дернул, значит, а она р-раз – и порвалась. Тут он как повернется, я еле пригнуться успел, – у него рука как молот прямо надо мной пролетела и в другого чувака – хренак! Прямо в таблице. Тот и рухнул. А этот, усатый, опять развернулся и опять к бородатому. А бородатый спиной стоял и его не видел.

– У усатого в руке нож был, – добавил длинный.

– Ага, – подтвердил толстяк. – В левой. Правой он себе путь расчищал и всех мочил, а левой потом бородатому фонарь под лопатку всандалил. Как в арбуз. С хрустом.

Вообще-то когда Олег увидел мертвого Барона, то сразу понял, что это работа профессионала. Удар был и правда мастерский. Шушера, которая стояла сейчас перед ним, была на такое явно не способна.

– Ладно, – сказал Олег. – Поехали.

– Куда? – испугались фанаты.

– В отделение. Там все расскажете.

Он заставил фанатов закрыть свой раздолбанный шарабан, усадил их в «девятку» и помчался обратно к Лужникам.

Роскошный «форд», за рулем которого сидел усатый мужчина, въехал на асфальтированную площадку перед жилой девятиэтажной башней из красного кирпича и остановился.

Андреич, как называл его Барон, вылез наружу, зашел в подъезд и поднялся на третий этаж. Открыв замок находящейся в дальнем углу двери, он попал в свою квартиру. Не разуваясь, Андреич завалился в комнату и тяжело опустился в широкое кожаное кресло.

В этот момент затрещал телефон.

– Алло, – снял он трубку.

– Ну как? – спросил мужской голос.

– Все отлично.

Позвонивший удовлетворенно хмыкнул и произнес:

– Я скоро буду у тебя.

– Давай... – устало пробормотал Андреич.

Он сказал, что все отлично, а между тем дело обстояло не совсем так. Вернее, совсем не так! Да, он справился с заданием, но – медальон! Он потерял там свой медальон!

«Вот невезуха...» – подумал Андреич и тяжело вздохнул. В пылу драки он даже не понял, что медальон сорвали. Зато потом, когда уже в машине обтер носовым платком взмыленную шею, то сразу, едва дотронувшись до нее, почувствовал – что-то не то. Через долю секунды ему уже было ясно, что именно его так смутило...

Андреич достал из кармана пачку «Винстона» и вышел на балкон. Там он пробыл минут пятнадцать, угрюмо глядя вдаль и прикуривая одну сигарету от другой.

Вдруг раздался громкий звонок в дверь. Андреич швырнул окурки вниз и пошел открывать.

Олег втолкнул фанатов в двери лужниковского отделения милиции, подвел к дежурному капитану, показал ему удостоверение и заявил:

– Я по поводу убийства, которое у вас тут недавно произошло. Вот эти двое могут дать показания!

И он вкратце обрисовал, как задержал фанатов.

Капитан позвал оперуполномоченного уголовного розыска.

– Сейчас допросим! – появившись, сказал тот.

Андреич оттянул щеколду и толкнул ручку двери. Увидев звонившего, он улыбнулся и сказал:

– Ну, здорово! Заходи! – и, развернувшись, пошел в комнату. – Ну что, по водочке?

– Легко! – отозвался гость и направился за хозяином...

В тот момент, когда допрос фанатов был в самом разгаре, пейджер, который весь сегодняшний день молчал на ремне у Олега, вдруг издал противный писк.

Прочитав поступившее сообщение, Мухин переменился в лице и сказал:

– Мне срочно нужно уехать!

– Давай... – махнул рукой оперуполномоченный уголовного розыска.

– Успехов вам! – бросил на прощанье Олег, вышел из отделения и сел в свою «девятку». Заведя мотор, он еще раз посмотрел на зеленый экран пейджера. Мелкими четкими буквами там было написано: «Если хочешь получить нужную тебе информацию, немедленно поезжай к себе домой». Подписи сообщение не имело.

Олег переключил скорость и поехал, куда требовал неизвестный. Он жил в Текстильщиках. Его хрущевка чуть возвышалась над окружающими ее серыми двух-трехэтажными домами. Олег давно хотел перебраться в какой-нибудь более престижный район, но... где взять сред-

ства! К отцу и деду он не обращался, ему хотелось строить свою жизнь самостоятельно. Вот и ютился в однокомнатной квартирешке на первом этаже...

Скоро Олег свернул на Садовое кольцо и, встав в левый ряд, ломанул в сторону Волгоградки. Дорога была загружена, и Мухину пришлось нарушать правила, выезжая временами на встречную полосу, чтобы обогнать едущих впереди.

Время тянулось невероятно медленно. Олег чертыхался, когда его бампер упирался в какую-нибудь затормозившую на светофоре машину, которая к тому же чудовищно медленно, как казалось Мухину, трогалась с места после того, как загорался зеленый.

– Ну чего ты встал! – кричал он, высунувшись в окно, и нажимал на клаксон. – Езжай, чайник!

Через какое-то время Олег обгонял эту машину и еще пяток других, но снова вынужден был тормозить на красный, едва успевая остановиться перед автомобилем, замыкающим движущийся впереди поток.

А время все шло и шло...

Так он добрался до Таганской площади, где ему нужно было сворачивать на Волгоградский проспект. Мухин включил поворотник и начал продираться через жуткое скопление машин из крайнего левого в крайний правый ряд.

Едва не смяв крыло никак не желавшей пропустить его «шахи», он все-таки влез между ней и тарахтящим метрах в двух от ее капота «уазиком», потом взял еще правее, потом еще и, наконец, оказался перед светофором, открывающим путь на Марксистскую улицу, переходящую в так нужную ему Волгоградку.

Горел красный.

Как только он сменился долгожданным зеленым, Олег первым сорвался с места и понесся вперед.

И снова светофоры, пробки, нервы...

Наконец, преодолев все, он вывернул с проспекта на дорогу, ведущую к своему дому, и минуты через три уже был на месте.

Зайдя в темный, грязный, вонючий подъезд с осыпавшейся штукатуркой на стенах, Мухин уже шагнул на бетонную ступеньку, как вдруг почувствовал – что-то не то.

Двери, ведущие из предбанника на лестницу, открывались внутрь подъезда, и их створки в летнее время всегда были прижаты к стенам. Одна из них, правая, действительно находилась сейчас в своем обычном положении. А вот левая... Такое впечатление, что за ней кто-то прятался. Кто-то очень худой.

Но Олег осознал это лишь тогда, когда дверь уже оказалась за его спиной.

«Может, там ребенок?» – подумал Мухин и обернулся.

Это и спасло ему жизнь.

Поразительно тощий человек в темном костюме стоял позади Олега, вытянув вперед руку с пистолетом. Он уже собирался нажать на курок, когда старлей профессионально выбил у него оружие ударом ноги.

– Ах ты тварь! – выдохнул Мухин и кинулся на нападавшего, но тот ловко увернулся и бросился из подъезда.

Олег достал свой «макаров» и, направив его в сторону неудавшегося киллера, закричал: – Стой! Буду стрелять!

Человек неожиданно остановился. Мухин подбежал к нему и уже собирался скрутить, как тот вдруг сделал резкое движение рукой и в свою очередь выбил пистолет из руки Олега.

Табельный ствол отлетел в сторону и упал в вечно открытый канализационный люк посреди Олегова двора.

Черный человек кинулся в подъезд, чтобы поднять валяющееся там собственное оружие. Несмотря на то что старлей погнался за ним, тощему удалось схватить пистолет за рукоятку,

но, прежде чем он успел им воспользоваться, Мухин выкинул вперед ногу и с силой ударил по запястью нападавшего.

Выбитый пистолет описал в воздухе дугу и провалился в тот же самый люк.

Тощий дернулся в сторону.

– Не двигаться! – крикнул Олег, не успев его схватить.

Но тот бросился наутек. Он хотел выбежать к широкой дороге, однако старлей сумел перекрыть ему этот путь, и мужчине не оставалось ничего другого, как только вбежать в арку соседнего двухэтажного дома. Мухин, разумеется, бросился за ним.

Арка выводила в небольшой внутренний двор. Оказавшись там, Олег понял, что вот-вот поймает тощего: другого выхода, кроме того, через который они прибежали, этот двор не имел. Со всех четырех сторон его окружал угрюмый, серый дом.

Человек в черном костюме тоже понял безвыходность своего положения. Он беспомощно заметался между растущих посреди детской площадки деревьев.

– А ну стоять! – в который уж раз крикнул старлей.

Вдруг тощий увидел ржавую пожарную лестницу, которая крепилась к ближайшей к нему стене. Стремглав подлетев к ней, он, как кошка, подпрыгнул вверх, схватился за нижнюю перекладину и, проявив неожиданную для него силу, подтянулся на руках.

Мухин подбежал к нему и хотел схватить, но мужчина был уже слишком высоко. Быстро перебирая руками, он забирался по лестнице.

Олег последовал за ним.

Скоро они вдвоем оказались на местах прогнувшейся металлической крыше. Края ее были покатыми, и, чтобы двигаться по ней, требовалась большая осторожность.

Олег понял, что тощий идет к расположенной неподалеку башенке, где имелся вход на чердак.

Топая по железу, Мухин все ближе подбирался к балансирующему мужчине и скоро уже почти нагнал преследуемого, но, стараясь ухватиться за край его черного пиджака, Олег сделал слишком широкое движение и зашатался, пытаясь сохранить равновесие.

Тощий обернулся, и, увидев машущего руками Олега, вдруг с силой ударил ногой по колену старлея. Олег не удержался и покатился вниз по грохочущим, проржавевшим листам.

В последний момент, на самом краю, он успел ухватиться руками за какой-то прут, очевидно оставшийся от когда-то опоясывавшего крышу ограждения.

– Уфф... – выдохнул Мухин, болтаясь в воздухе.

И тут прут оторвался и Мухин полетел вниз, успев, тем не менее, заметить, что черный человек все-таки прошел в дверь.

Олег шлепнулся в детскую песочницу. Песок был мягкий и его, на счастье старлея, оказалось много. Это и спасло Мухина от переломов.

Однако ногу он ушиб. Прихрамывая, Олег направился к подъезду, над которым возвышалась башенка с дверью, куда исчез мужчина. По доносящемуся из подъезда грохоту его шагов. Мухин понял, что тот бежит вниз. Горе-киллер, очевидно, подумал, что Олег или болтается до сих пор на штыре, или лежит внизу на асфальте, корчась от боли.

Войдя внутрь, Олег нос к носу столкнулся с выбегавшим тощим, который от неожиданности отлетел к стене.

– Ах ты тварь... – прошипел Олег и, расставив руки, пошел на мужчину.

Но худой гад и на этот раз нашел выход. Быстро стрельнув глазами вокруг, он кинулся к решетчатой двери, которая вела в подвал, и юркнул в сырую темноту.

«Ну все! – подумал Мухин. – Уж там-то я его точно поймаю!»

Он спустился по дряхлым деревянным ступенькам, предварительно щелкнув расположенным на стене выключателем, в результате чего подвал осветился единственной свисающей с потолка тусклой лампой.

Впрочем, и она была тут же разбита тощим. Поэтому когда Мухин шагнул в глубину мрачного помещения, то с трудом разглядел его быструю фигуру, мечущуюся вдоль задней стены, между двух узких окошек, из которых били два параллельных солнечных луча.

– Будешь сопротивляться – сверну шею! – предупредил Олег и, задевая ногами за какой-то хлам, пошел в сторону мужчины.

Тот замер, как будто что-то решал.

– Тебе все равно некуда деваться! – очень уверенно сказал Мухин.

И ошибся.

Тощий вдруг подскочил к одному из крохотных, шириной всего сантиметров тридцать, окошек и, извиваясь словно змея, пролез в него.

Олег кинулся в его сторону, но споткнулся о проложенную поперек подвала трубу и упал.

– Вот же сволочь! – изумленно пробормотал он, поднимаясь.

Когда Мухин, хромая, вышел из подъезда, тощий уже подбегал к арке. Перед тем как скрыться в ней, он последний раз обернулся на Мухина и усмехнулся.

«Теперь мне его не догнать...» – со злостью подумал Олег.

И вот тут из арки вдруг вылетел фиолетовый «фольксваген».

Мужчина в черном костюме, который смотрел в сторону Олега, не видел машину и, сделав шаг вперед, попал как раз под нее, так как водитель «фольксвагена» не успел среагировать на неожиданное появление пешехода.

Тут же дав по тормозам, владелец иномарки выскочил и принялся поднимать сбитого мужчину, который, валяясь возле бампера, стонал и держался за бок.

Подивившись такому неслыханному везению, Мухин поспешил к машине.

– Я из милиции! – предъявил он водителю свое удостоверение.

Тот посмотрел сквозь большие солнцезащитные очки на вдруг выросшего, словно из-под земли, Мухина, побледнел, запнулся и лишь через несколько секунд затараторил:

– Я не виноват! Он так быстро выскочил, что я не успел его заметить! Он даже не смотрел в мою сторону! Он...

– Да знаю я! – перебил его Олег. – Я же все видел! – И, не терпящим возражений тоном сказал: – Сейчас мы с вами отвезем его, куда я скажу. Ясно?

– Ясно... – пробормотал водитель.

Тощий смотрел на них, тихо постанывая. Было видно, что ранение его нетяжелое, но тем не менее передвигаться он сам не сможет.

– Сам-то встанешь? – спросил Мухин.

Сбитый отрицательно покачал головой.

– Ладно... – сказал Олег. – Давай-ка его поднимем! – обратился он к водителю.

– Ага, – быстро согласился тот. – На заднее сиденье положим, да?

– Да, – кивнул Мухин.

Они взяли тощего под руки и, как пушинку, перенесли к задней дверце.

– Там закрыто, – сказал водитель. – Я сейчас... – Он залез в машину, открыл дверцу и тяжело выбрался обратно, отведя правую руку назад, за поясницу: – Эх, радикулит замучил...

– Да я и сам его положу, не беспокойся! – сказал Олег и повернулся к дверце, чтобы ее открыть.

В этот момент что-то тяжелое ударило его по голове, потом еще и еще. Перед глазами разлилась кровь, тело стало ватным, и через секунду, когда сознание отключилось, Олег рухнул к ногам водителя.

– Вот так... – сказал тот, опуская зажатый в правой руке здоровенный гаечный ключ.

Потом он быстро забросил тощего на заднее сиденье, сел за руль и рванул из арки задним ходом, а выехав из нее, развернулся и помчал в сторону проспекта.

– Молодец, Толик! – хрипло сказал мужчина в черном костюме.

– Я-то молодец, – язвительно процедил водитель. – А вот ты... – и он уничтожающе посмотрел на тощего в зеркало. – Какого хрена ты его не застрелил?

– Не получилось... – развел тот руками.

– «Не получилось»! – передразнил Толик. – А если б он тебя взял, что тогда?

Тощий молчал.

– Вот то-то! – Водитель снова глянул на него и продолжил: – Я тебя там на дороге ждал, ждал... Что же, думаю, он не идет... Решил съездить проверить...

– Он бы меня все равно не догнал... – донесся до него голос лежащего сзади мужчины.

– Да тебе грохнуть его надо было! – укоряюще сказал Толик. – Грохнуть! А ты – «не догнал бы»... Тьфу!

– Слушай, – спросил тощий, – ну а ты-то его точно грохнул?

Водитель даже обернулся:

– Да я его три раза по темечку! Ключом на сорок! Терминатора можно срубить! Ты же видел!

– Ага... – согласился тощий. – Трупак он уже, трупак...

Татьяна включила магнитофон, поставила кассету с медленной музыкой, потом подошла к Герману и положила руки на его плечи:

– Потанцуем?

Они стояли посреди комнаты на ковре. Уже подступали сумерки, и вокруг царил полумрак.

– Может, включим свет?... – как-то сдавленно произнес Редников.

– Нет... – прошептала Таня и прижалась к нему.

Герман неловко обхватил ее за талию, и они затоптались на месте в такт мелодии.

– Какое красивое у тебя имя... – с придыханием сказала Таня и по слогам произнесла: – Гер-ман...

– Угу, – прогудел Редников, которому было уже все равно, с чем соглашаться, словно парализованный, он вцепился в бока девушки скрюченными пальцами, не смея сдвинуть их ни на миллиметр в сторону.

– А у меня красивое имя? – спросила Таня.

– Угу, – тем же тоном выдал Герман, уставившись в какую-то ведомую лишь ему точку остекленевшими глазами.

– Мой милый... – еще теснее прильнула к нему Таня.

Редников тоже хотел как-то отреагировать на это проявление ласки и даже открыл рот, но, так и не решившись ничего промямлить, захлопнул его снова.

Впрочем, ничего особенно удивительного в его поведении не было – ведь в подобной ситуации Редников оказался первый раз за свои двадцать лет.

– Не говори ничего... – к его облегчению, прошептала Таня. – Я и так все понимаю...

Услышав это, Герман несколько осмелел и даже предпринял легкую попытку пошевелить одеревеневшими руками.

– Поцелуй меня... – попросила девушка.

Редников часто заморгал и, затаив дыхание, быстро чмокнул Танину щеку.

– Не так! – запротестовала она. – В губы!

«Господи, как страшно!» – подумал Герман, после чего собрал всю свою волю, напрягся и только хотел выполнить просьбу девушки, как она вдруг не выдержала и, обвив руками его шею, первая впилась в его губы.

Герман ощутил такое блаженство, что руки его сами собой обвисли и, утратив остатки сил, он свалился на стоящий рядом диван.

Таня упала на него, не переставая осыпать лицо Редникова поцелуями.

– Помоги мне расстегнуть лифчик, – простонала она, стаскивая с себя платье.

Воскресенье, 30 июля

Несмотря на выходной, начальник МУРа Грязнов находился в своем кабинете на Петровке, 38. Работа не отпускала ни на день.

«Опять с утра плохие новости...» – подумал он.

Вячеслав поднялся из кресла, шагнул к окну и открыл жалюзи. Комнату залил солнечный свет, в лучах которого когда-то образцово рыжая, а ныне изрядно поседевшая и потускневшая шевелюра Грязнова снова стала вдруг ярко-огненной. Щурясь, Вячеслав глянул за стекло, потом придирчиво осмотрел стоящие на подоконнике цветы, подумал и отодвинул горшок с фикусом подальше от глухо урчащего кондиционера – как бы не простудился. Затем он посмотрел на часы и решил позвонить домой Турецкому.

«Наверное, он уже проснулся», – сказал себе Вячеслав.

Однако, когда Грязнов набрал номер друга, из трубки донесся чуть дребезжащий голос автоответчика: «К сожалению, меня сейчас здесь нет. Попробуйте перезвонить на работу».

– Саш, это я! – сказал Вячеслав. – Сними трубку, а?

«Или оставьте сообщение после звукового сигнала...» – продолжал автоответчик.

– Тебя, что, правда нет? – зачем-то спросил Вячеслав.

П-и-и-п! – раздался противный писк.

Грязнов нажал на рычажки и без особой надежды позвонил в Генпрокуратуру. «Напрасно трачу время, – с тоской подумал Вячеслав. – Должен же он хоть когда-нибудь отдохнуть...»

– Алло! – услышал он голос Турецкого.

– Саш, ты что, на работе? – задал довольно глупый вопрос Грязнов.

– Нет, я в бане! – после удивленной паузы пробормотал Александр. – Ну ты, Славка, спросил!

Настроение Вячеслава чуть улучшилось.

– Есть новости по твоему делу, – без перехода сказал он.

– Какие? – тут же отозвался Турецкий.

– Вчера вечером совершено нападение на внука генерала Мухина Олега.

– Так-так... – Голос Александра приобрел металлический оттенок.

– Ему проломили голову неподалеку от его дома.

– Он жив?

– К счастью, да, но...

– Что – но?

– Он в коме. Лежит в реанимации Склифа.

– Ясно... – проговорил Турецкий. – Дело возбуждено?

– Да.

– Так-так... – повторил Александр. – Не исключено, что я и его заберу к себе. Хотя пока рановато – надо доказать, что все эти дела связаны между собой...

– И еще. Вчера возле стадиона «Лужники» убили Барона, – добавил Грязнов.

– Опаньки... – пробормотал Турецкий.

– Вот так... – хмуро заключил Вячеслав.

– Ну что же, – вздохнув, сказал Александр. – Если докажем связь между убийствами Барона и Мухиных, то придется нам с тобой заняться еще и этим делом. Так что дерзай! Ищи эту связь!

Наталья Павловна стояла в больничном коридоре и ловила взгляды выходивших из палаты Олега врачей.

– Ну как он? – с надеждой спрашивала она молчаливых реаниматоров.

- Кома... – повторяли ей одно и то же.
- Я могу его увидеть?..
- Попозже.

Наталья Павловна то мяла руки, то нервно приглаживала волосы, то до белых пятен покусывала губы, и все ждала, ждала, ждала, когда ей разрешат посмотреть на внука.

- Вы бы присели... – указывали ей на расположенные у стены стулья.
- Да... – машинально кивала она и продолжала стоять.

Она сама не понимала, откуда у нее берутся силы. Страшный вчерашний день, отнявший у нее мужа и сына, чуть было не отправил в могилу и ее. Ночью случился приступ, и приехавший на «скорой» врач установил предынфарктное состояние, предписав полный покой.

А сегодня утром она позвонила на работу Олегу и ей сообщили о произошедшем, добавив, что внук ее в больнице. Наталья Павловна выронила трубку и сползла с кровати на колени перед стоявшей в шкафчике иконкой:

- Пресвятая Богородица, оставь его в живых!

Она простояла так целый час, после чего неожиданно поняла, что сердце ее перестало болеть. Наталья Павловна поднялась, оделась и поехала в Склиф.

И вот она здесь – ждет возможности увидеть внука.

- Можете зайти, – сказали ей наконец.

Она прошла в палату и увидела лежащего на кровати Олега. Голова его была забинтована, в руку воткнута игла капельницы. Наталья Павловна шагнула к нему и дотронулась до его плеча. Глаза ее застили слезы.

- Олеженька... – прошептала она.
- Сядьте. – Дежурная медсестра подвинула ей табуретку.

Наталья Павловна села и, не сводя глаз с внука, принялась утирать слезы кружевным платком.

Валентин Попков вышел из здания Московской областной прокуратуры, сел в свою «Оку» и поехал в Москву.

«Вот же паразит этот Турецкий! – думал он. – Вызвал в воскресенье! Своего выходного не пожалел, лишь бы скорее дело оттяпать и похерить!»

Валентин представил, как может выглядеть внешне этот наглый «важняк» из Генпрокуратуры. В голове нарисовался образ толстого мужика с масляными черными волосами, смуглой кожей и красной круглой феской на голове. С фески свисала золотистая кисточка.

«Турецкий! – усмехнулся Попков. – Ну и фамилия!»

– Меня зовут Александр Борисович, – представился Турецкий вошедшему в его кабинет невысокому человеку средних лет. – А вы, значит, Зуев?

– Да, – сказал мужчина, – Кирилл Васильевич Зуев. Следователь Транспортной прокуратуры.

На сегодняшний день Александр назначил встречи двум следователям – Зуеву и Попкову. Первым приехал Зуев. Турецкий собирался принять у него дело по факту гибели Сергея Мухина.

- Прошу садиться! – Александр указал Кириллу Васильевичу на кресло.
- Спасибо... – Тот прошел в глубь кабинета и уселся через стол от Турецкого.
- Вы привезли дело? – спросил Александр.
- Нет.
- Как? – Турецкий удивленно поднял брови. – Разве вам не говорили?
- Меня, очевидно, не так поняли... – чуть нервно сказал Зуев. – Никакого дела мы не возбуждали.

– Почему?

– Потому что мы квалифицировали это происшествие как несчастный случай. Я намерен вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Это рядовой несчастный случай! – Раздраженность, которую он до сих пор сдерживал, все больше пробивалась наружу.

Турецкий внимательно посмотрел на Зуева и сказал:

– Кирилл Васильевич, вы думаете, что я стал бы беспокоить вас в воскресенье из-за рядового несчастного случая?

Зуев не нашелся что ответить и посмотрел куда-то в сторону.

– Значит, так, – сказал Александр. – Дело вы возбудите...

– Но позвольте! – перебил его Зуев. – У нас нет оснований полагать, что...

– А у нас есть! – в свою очередь не дал ему договорить Турецкий. – У нас есть основания полагать, что вчера на станции метро «Арбатская» произошло умышленное убийство, а вовсе не несчастный случай, как вы изволили выразиться!

Кирилл Васильевич опять замолчал и посмотрел на носки своих ботинок.

– Вам просто так удобнее! – продолжал Александр. – Удобнее спихнуть с себя сложное дело, прежде чем его начать! Расследование требует большого труда, а трудиться, судя по всему, вы не хотите!

Зуев не отвечал.

– Так вот, – сказал Турецкий. – Будьте добры возбудить дело. Потом провести неотложные следственные действия: допросить милиционеров в метро, вахтерш, уборщиц... И еще. – Александр сделал небольшую паузу и продолжил: – Мне нужны снимки, которые установлена над платформой камера сделала в то время, когда на ней находился Мухин. Изымите пленку с соблюдением процессуальных формальностей. – Он закончил и спросил: – Вам все ясно?

– Ясно... – пробормотал Зуев.

– Тогда идите! И помните, все это нужно сделать срочно! Сегодня же!

Кирилл Васильевич тяжело поднялся с кресла и пошел к двери. Его надежда на воскресный отдых только что рухнула окончательно.

Редников открыл глаза и увидел белый потолок, по которому ползала муха.

«Если мне все это приснилось, – подумал он, будучи еще в прострации, – то, значит, я сейчас у себя дома, на кровати... И не было ни Тани, ни этих документов...»

Герман глянул влево. На тумбочке возле дивана лежала белая папка. Он быстро повернул голову в другую сторону и увидел сопящую на подушке Таню.

«Мамочки, – сказал он себе. – Это правда!»

Мгновенно скинув остатки дремы, он осторожно приподнялся, сел на диване и стал шарить под ним ногами в поисках тапок.

– Ты уже проснулся? – раздался сонный Танин голос.

Редников повернулся и увидел, как лежащая на спине девушка сладко потянулась и тонкое одеяло, до этого укрывавшее ее до шеи, сползло и обнажило грудь.

У Германа екнуло сердце.

– С добрым утром! – улыбнулся он Тане.

Больше всего на свете Редников боялся, что на этом их отношения и закончатся.

– С добрым утром, милый! – радостно ответила Таня и протянула к нему руки.

Он нырнул в ее объятия, повторив все свои вчерашние подвиги.

– Нелохо... – безмятежно откинулась Таня, когда все закончилось. – Сегодня даже лучше, чем вчера.

– Ага... – подтвердил обессиленный Герман.

Через некоторое время они уже пили чай на кухне.

– Ну что? – сказал, посмотрев на часы, Редников. – Я, пожалуй, поеду...
– Куда? – встрепенулась Таня.
– Как – куда... Папку отвозить...
Девушка поставила чашку и вдруг сказала:
– Никуда тебе ехать не надо!
– Ну зачем продолжать вчерашний разговор... – кисло начал Герман.
– Дурачок, – очень серьезно сказала Таня, – я просто боюсь тебя потерять! Не надо мне больше ничего доказывать, я и так поняла, какой ты!
Герман тоже поставил чашку и, глядя ей прямо в глаза, произнес:
– Но я еще не доказал это самому себе.
Таня почувствовала, что она в полном восторге от этого парня.

Турецкий посмотрел на прибывшего к нему следователя прокуратуры Московской области Попкова и спросил:

– Вы привезли следственное дело?
– Да, – ответил тот. – Вместе с постановлением о передаче его вам.

Он стоял у дверей и смотрел на сидящего за столом «важняка», который оказался вовсе не таким, каким Попков его себе представил. Турецкий был достаточно стройным светловолосым мужчиной вполне приятной наружности, слегка, правда, подпорченной хронической усталостью на лице.

– В материалах дела имеются фотографии с места происшествия, – добавил Валентин.
– Проходите! – спохватившись, сказал Александр.

Попков подошел к его столу, аккуратно положив на него следственное прокурорское дело с подшитыми листами следственных материалов и отдельно – конверт с фотографиями с места происшествия.

– На этих снимках вещдоки, обнаруженные на месте убийства, – пояснил Валентин, после чего сел в предложенное ему кресло.

Турецкий просмотрел фотографии и выбрал одну из них, с крупным изображением лежащего в траве нестреляного патрона.

– Какой-то он странный... – произнес «важняк», разглядывая снимок.

– Эксперты-криминалисты пока не дали заключение относительно того, для какого именно вида оружия он изготовлен, – сказал Попков. – Насечка на нем тоже непонятная.

– Интересно... – пробормотал Турецкий. – Что же это за диковина такая...

– С патрона снят отпечаток пальца, – продолжил Валентин. – В данный момент его пытаются идентифицировать по картотеке...

– Ясно. – Александр отложил фотографию в сторону и раскрыл дело.

– Что касается автомобиля, который скрылся с места преступления, то установлено, что это «Ауди-6», – сказал Попков.

– Ну что же... – одобрительно глянул на него Турецкий. – Я думаю, мы с вами сработаемся, Валентин Михайлович.

Попков пристально посмотрел на «важняка» и, к своему удивлению, не уловил никакого подвоха в словах человека, который, по его мнению, хотел завалить дело.

Сразу после разговора с Турецким Грязнов позвонил своему племяннику Денису.

– Да, – ответил тот.

– Ты можешь сейчас ко мне заехать? – спросил Грязнов.

– Могу, дядя Слава, – сказал племянник. – Только ненадолго – очень занят.

– Жду! – И начальник МУРа положил трубку.

Денис Грязнов был директором расположенного на Неглинной частного охранного предприятия «Глория». Когда-то его основал сам дядя, который сначала даже хотел дать агентству собственное имя «Слава», но друг Турецкий подсказал ему более изящный вариант – перевести название на латинский, чтобы получилось и красиво, и без особых претензий.

Грязнов тогда уволился с должности старшего оперуполномоченного второго «убойного» отдела МУРа и с головой погрузился в создание собственного предприятия. Пятнадцатого августа девяносто четвертого года бывший подполковник милиции получил долгожданную лицензию, разрешающую его ЧОПу заниматься самым широким спектром деятельности – от охранных услуг до розыска пропавших.

Работа закипела.

Но старые друзья из милиции и прокуратуры не забывали Вячеслава Ивановича и по необходимости привлекали его к сотрудничеству.

Дело в том, что сыщики его частного агентства были гораздо менее оперативных следственных органов МВД и прокуратуры связаны в своей розыскной деятельности официальными формальностями. В силу чего могли, например, без санкции прокурора или разрешения судьи установить наружное наблюдение за подозреваемым, всегда имея железную отмазку: это, мол, охрана нашего клиента, который случайно проходил мимо.

Или, если потребуется, частный сыщик проникал в какую-нибудь квартиру под видом сантехника.

Да мало ли чего еще!

А иногда происходило так, что в процессе официального расследования уголовного дела сам потерпевший был категорически не заинтересован в огласке. Вот тогда-то Меркулов и Турецкий в разных случаях и привлекали к работе Грязнова с его специалистами, а с клиентом заключался соответствующий договор об оплате труда ЧОПа «Глория».

А потом по причине нехватки высокопрофессиональных кадров руководство МВД все-таки уговорило Грязнова вернуться на Петровку, 38, на должность первого зама тогдашнего начальника МУРа, присвоив Вячеславу звание полковника.

Вот тогда-то он и сделал директором «Глории» своего племянника Дениса, прошедшего Чечню студента-заочника юрфака МГУ.

Было это в девяносто шестом году.

А еще через какое-то время Грязнов стал генералом, и сам занял кресло начальника Московского уголовного розыска...

– Вячеслав Иванович, к вам Денис, – донесся из селектора голос секретарши.

– Марина, пусть он зайдет! – нажал кнопку Вячеслав. – И принеси нам, пожалуйста, кофе.

– Хорошо, – ответила Марина.

Дверь открылась, и в кабинет зашел племянник. Он был такой же рыжий и длинный, как дядя. Его цепкие глаза тут же вопросительно уставились на Грязнова.

– Чего звал, дядь Слав? – спросил он.

– Проходи, – улыбнулся начальник МУРа. – Садись.

Денис широким шагом подошел к столу и опустил в кресло напротив дяди.

В этот момент дверь открылась и в кабинет вошла крутобедрая секретарша Марина с подносом, на котором дымились две чашки кофе. Она поставила их на стол и направилась к выходу.

– Спасибо, Мариночка! – в один голос сказали дядя и племянник и оба проводили ее взглядами.

– Значит, так, – сказал Вячеслав, когда дверь за секретаршей закрылась. – Начну с самого начала. Вчера утром застрелен генерал-лейтенант ФСБ Мухин...

По мгновенно округлившимся глазам племянника дядя понял, что эта информация имела для него какое-то особенное значение.

В соответствии с постановлением о создании следственной группы, составленным Меркуловым, в нее помимо руководителя – Турецкого – вошли трое оперативников второго отдела МУРа и следователь прокуратуры Московской области Попков. Александр решил включить его в свою группу.

К этому времени Турецкий уже рассказал коллегам все, что узнал вчера от Грязнова, и заявил о необходимости приступить к расследованию дела об убийстве Мухиных и других немедленно, не теряя ни минуты. И вот сейчас все четверо сидели перед ним, а он отдавал первые распоряжения о проведении следственных мероприятий. Каждому «важняк» дал по эпизоду для расследования.

– Начну с вас, – обратился Турецкий к капитанам Жукову и Папалаеву, двум похожим друг на друга бугаям с боксерскими лицами. – Вам надо сейчас съездить в люблинское отделение милиции и узнать, что они там нарыли по делу Олега Мухина, а также самим разобраться с этим случаем, найти свидетелей и допросить их.

– Есть, – кивнули те.

– Вперед, ребятишки! – сказал Александр, и капитаны быстро вышли из кабинета.

– Теперь вы, – Турецкий посмотрел на старшего лейтенанта Грачева, – курчавого шатена с крупным носом. – Вы, пожалуйста, поезжайте в Лужники, узнайте, как дела там. Досконально разберитесь с убийством этого вора в законе Барона.

– Слушаюсь, – ответил Грачев. – Разрешите идти?

– Конечно. И не так официально, старший лейтенант.

Когда Грачев ушел, Турецкий потер подбородок и обратился к Попкову:

– Ну а вы, Валентин Михайлович, продолжайте заниматься убийством генерала. Поговорите еще раз с его вдовой, может, она расскажет вам что-нибудь, проливающее, так сказать, свет... И поищите свидетелей. Я имею в виду очевидцев происшествия. Не мешает вам еще раз побывать на месте убийства, может, найдете что-нибудь из вещдоков. Чем черт не шутит...

– Ясно, – сказал Валентин.

– Тогда не теряйте времени.

Без лишних вопросов Попков развернулся и через несколько секунд, скрылся за дверью. «Ну вот и начали!» – подумал Турецкий.

– Значит, сын генерала Мухина сотрудничал с «Глорией»? – Удивлению начальника МУРа не было предела.

– Именно так! – ответил Денис.

– Вот это да-а... – протянул Вячеслав. – Так что же мы сидим? Надо срочно позвонить Турецкому! – И, набирая номер, он сказал племяннику: – Договорись с ним о встрече и расскажешь все, что рассказал мне!

– Значит, ты все-таки поедешь? – спросила Татьяна.

Редникову это уже начало надоедать.

– Да, – ответил он. – Я же сказал!

Они стояли в коридоре. Герман был уже одет, и ему оставалось только надеть ботинки.

– Тогда я с тобой! – неожиданно произнесла девушка.

– Ни в коем случае! – замахал руками Редников. – Вдруг это опасно?

– Ну и что?

– Нет! – отрезал Герман. – Сиди дома!

Таня покорно замолчала. Редников обулся и уже собрался выходить, как она вдруг сказала:

– Я буду тебя ждать...

Герман приблизился к ней и поцеловал. Потом взял лежащую на трюмо папку и прочел вслух указанный на обложке адрес:

– «Улица Неглинная, дом семь. Охранное предприятие «Глория». Директор – Денис Грязнов».

– Подожди! – воскликнула вдруг девушка. – Сегодня ведь воскресенье!

– Действительно... – пробормотал Редников.

– Как это мы забыли? – обрадованно посмотрела она на Германа, и в ее глазах появилась надежда.

– Ты знаешь, – сказал он, – тут еще телефон есть... Этот мужчина его сбоку приписал... Позвонить, что ли?

– А может, не надо? – жалобно произнесла девушка.

– Надо! – твердо посмотрел на нее Редников и, сняв трубку стоявшего здесь же, на трюмо, аппарата, набрал номер.

Повисла мертвая пауза. Таня, кусая губы, смотрела на Германа.

– Алло, – сказал он наконец. – Это «Глория»? Вы сегодня работаете? А-а, ясно...

– Ну что? – спросила девушка, едва он положил трубку.

– Они работают ежедневно, включая выходные и праздники.

– Вот ведь... – расстроено проговорила Таня.

– Ну ладно, мне пора... – засобиравшись Редников.

Девушка вздохнула:

– Я боюсь...

– Жди! – сказал Редников и, улыбнувшись на прощанье, вышел из квартиры.

Оперы Жуков и Папалаев зашли в люблинское отделение милиции, изложили дежурному суть дела, и он тут же направил их в третий кабинет:

– Там следователь!

Он имел в виду следователя следственного отдела ГУВД. Как известно, в системе МВД имеется свой Следственный комитет, следователи которого дислоцируются по региональным отделам внутренних дел.

Капитаны поднялись на второй этаж и раскрыли обитую дерматином дверь с прибитой на уровне глаз пластмассовой «трешкой».

За обшарпанным столом сидел молодой следователь.

– Привет, мы из МУРа, – начал Жуков и за минуту объяснил, что ему надо.

– А ребята как раз там, – сказал следователь, – на месте происшествия. Опрашивают свидетелей. Хотите – езжайте к ним.

– Хотим, – заявил Папалаев, и, выяснив точный адрес, оперы снова отправились вниз.

– Шумни-ка своим по радиии, что мы сейчас подъедем! – подходя к двери, бросил дежурному Жуков.

Тот надавил на кнопку на пульте и закричал в укрепленный перед ним микрофон:

– Сто восьмой! Сто восьмой!

– Сто восьмой слушает! – донеслось из динамика.

– К вам сейчас приедут из городского управления розыска. Встретьте!

– Понял!

Капитаны вышли на улицу и сели в свою служебную «шестерку».

– Хорошо, Денис, я подъеду в «Глорию»! – сказал Турецкий и положил трубку.

Только что племянник Грязнова позвонил ему и сообщил, что у него есть важная информация, касающаяся деятельности убитого Сергея Мухина.

Денис предупредил «важняка», что может немного задержаться, но Александр все-таки решил ехать в агентство сразу и подождать директора на месте. Быстро надев висящий на спинке кресла пиджак, Турецкий вышел из кабинета.

Как только Герман, махнув в последний раз стоявшей на балконе Татьяне, завернул за угол дома, его решимость сразу сошла на нет. Там, при Тане, Редников был героем, а оставшись наедине с собой, он снова превратился в боязливого человечка, шарахающегося от каждой тени.

«Может, мне все-таки ее выкинуть, эту папку? – подкралась гаденькая мысль. – Таня все равно не узнает...»

И вдруг он отчетливо понял, что не сделает этого. Потому что сказанные им час назад слова о необходимости доказать нечто важное самому себе были абсолютно искренними.

«Мне надо отвезти эти документы...» – с тоской подумал он.

Елки-палки, как же ему было страшно!

Он решил, что ехать нужно наземным транспортом, а не на метро, чтобы ничто не напоминало ему об ужасном вчерашнем событии, связанном с получением им папки.

«Сяду на троллейбус или автобус, доеду до Киевского вокзала, потом пересеяду еще на что-нибудь и доберусь до Неглинной!» – подумал Герман.

Такой выбор маршрута требовал больших по сравнению с метро затрат времени, зато сберегал и без того расшатанные редниковские нервы.

«Да, – решил он. – Именно так я и поступлю!» И, стараясь унять дрожь в коленках, Герман направился напрямиком к автобусной остановке.

Жуков и Папалаев въехали во двор как раз через ту арку, возле которой вчера и было совершено нападение на их друга Олега.

– Когда поймает этих уродов, я им бошки в другую сторону выверну! – сказал Жуков.

Папалаев промолчал, но по взгляду его было понятно, что он вряд ли является противником изложенного коллегой плана поведения в отношении граждан, проломивших Олегу голову.

– О, нас уже встречают! – довольно произнес Жуков. – Вон смотри, у подъезда!

И «шаха» плавно подъехала к трем стоявшим неподалеку мужикам, по внешнему виду которых нельзя было уверенно утверждать оперы это или бандиты.

– Лейтенант Гаврюшин! – представился один из них, решая дилемму в пользу первого предположения. – Вы, что ли, из МУРа?

– Мы, – ответил в окно Папалаев, и они с Жуковым вылезли из машины.

Обе стороны показали друг другу удостоверения.

– Ну и чего вы узнали? – спросил Папалаев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.